БИБЛИОТЕКА

№ 35 1969

Шарлотта АРМСТРОНГ

УТРОМ, В ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 35

Шарлотта АРМСТРОНГ

УТРОМ, В ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА

РАССКАЗЫ

Перевод с английского
Ан. Горского

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1969

Шарлотта АРМСТРОНГ

Шарлотта Армстронг — американская писательница, родилась в мае 1902 года. В 1924 году окончила Висконсинский университет. Регулярно печатается с 1939 года. Автор романов «Невинный цветок», «Неприятность в Торе», «Вне подозрений», «Мечтатель», «Обмани смерть», «Шоколадная паутина» и др.

В 1956 году ей присуждена литературная премия имени Эдгара По за лучший остросюжетный рассказ.

Шарлотта Армстронг

УТРОМ, В ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. Борисов.

А 00393. Подписано к печати 26/VIII 1969 г. Формат бум. 70×108 1/32.
Объем 2,10 условн. п. л. 2,93 учетно-изд. л. Тираж 100 600.
Изд. № 1859. Заказ № 2059. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

УТРОМ, В ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА

Бережно, почти благоговейно он собрал и сложил страницы рукописи. Один экземпляр запечатал в конверт и надписал адрес, а копии убрал в пустой чемодан. Позвонив в агентство авиакомпании, он убедился, что ему повезло: место на завтрашний утренний рейс в Нью-Йорк нашлось. На утро дня св. Патрика.

Последнее время он жил затворником. И вот теперь можно потянуться, вздохнуть полной грудью, протереть глаза и вернуться к так называемой действительности.

Итак, он, Митчел Браун, драматург (если повезет), только что кончил переработку своей пьесы, ради чего и приехал сюда, домой, в Лос-Анджелес. Кончил... Просто не верится!

Часы уже показывали четверть второго ночи; наступило, выходит, семнадцатое марта. Он был один в своей квартире на первом этаже — прокуренной, замусоренной, неубранной... Да ладно, главное сделано! Ныла спина, слезились глаза, в голове ни единой мысли. Нужно бы прибрать, поесть, соснуть, искупаться, побриться, одеться, уложиться. Но все это потом...

Он пришлепнул полоску марок на конверт и вышел из дому. Улица была темной и безлюдной. У обочин тротуаров стояло несколько машин. Он услышал, как пакет стукнулся о дно металлического ящика — теперь пьеса в верных руках почтового ведомства. Все в порядке, даже если сам он погибнет вместе с самолетом и остальными экземплярами. При этой мысли Митч чуть не рассмеялся, но, свернув за угол, вдруг почувствовал себя усталым и одиноким.

«Бар-закусочная «Длиннохвостый попугай» еще открыт»,— с облегчением вспомнил Митч. Миновав один квартал, он толкнул дверь бара. Узкая комната была слабо освещена и казалась пустой. Вдоль одной стены тянулась стойка, вдоль другой разместилась закусочная — девять открытых кабин. Митч нащупал стул и сел.

— Привет, Тоби. Неважно идут дела, а?

— Привет, мистер Браун.— Появление Митча, видимо, обрадовало бармена.— В будни, да еще так поздно у меня не бывает тесно.

— Кухня уже закрыта? — поинтересовался Митч.

— Увы, мистер Браун! Придется вам поискать еще где-нибудь, если проголодались.

— Обойдусь хорошей рюмкой,— вздохнул Митч.— Дома снова яичницу сделаю.

Тоби поколдовал над бутылками и, подавая Брауну рюмку его излюбленного коктейля, пожаловался:

— Мне давно пора закрывать, да вот ума не приложу, что делать...

— То есть?

— А вы посмотрите.— Тоби указал взглядом куда-то за спину Брауна.

Митч оглянулся и от неожиданности вздрогнул: в одной из кабин сидела женщина. Точнее говоря, она лежала, уронив светловолосую голову без шляпки на красную клетчатую скатерть.

— Осоловела молниеносно,— хриплым шепотом объяснил Тоби.— Вы понимаете, звать фараонов мне не резон — подальше от такой рекламы! А у меня болен ребенок, жена вконец измучилась. Мне надо домой.

— Черный кофе давал ей? — спросил Митч.

— Давал.

— Как она ухитрилась наклюкаться?

— Понятия не имею,— поспешно сказал Тоби.— Только не у меня. Даю слово, здесь она выпила всего рюмку-другую. А главное, она совсем не уличная. Это-то сразу видно. Как быть, не придумаю.

— Как быть? Посади ее в такси и отправь домой,— весело посоветовал Митч.— А почему бы нет? Поищи, нет ли у нее каких-нибудь бумаг, и узнай, кто она и откуда.

— Рыться в ее сумочке? — испугался Тоби.

— Ну ладно... Давай посмотрим вместе.

Митч встал. Спиртное уже подействовало. Он снова чувствовал себя бодро и готов был дружески обнять весь мир. Право же, он человек утонченный и прекрасно понимает, что рожден для того, чтобы понимать всех и каждого.

Они подошли к женщине и приподняли ее голову.

Лицо женщины расплылось в пьяном сне и все же не казалось безобразным. Оно не было ни юным, ни старым. Женщина была хорошо одета и совсем не походила на бездомную.

Она открыла глаза и вежливо сказала:

— Прошу прощения.

Она еще не пришла в себя, но, как видно, была близка к этому. Браун и Тоби помогли ей подняться. Держась за них, она могла стоять. Митч подхватил изящную и, видимо, дорогую сумку женщины. Вдвоем они повели ее к двери.

— Может быть, на воздухе ей станет лучше? — с надеждой спросил Тоби.

— Может быть. Стоянка такси возле кинотеатра. Пока мы туда дотащимся...

— Мне нужно закрыть заведение,— недовольно пробурчал бармен.— Не могу же я бросить его так!

— Тогда ступай,— ответил Митч, чувствуя, как незнакомка тяжело повисла на его руке.— Я ее держу.

Браун двинулся дальше по тротуару и услышал, как позади него щелкнул замок запираемой двери. Женщина послушно переставляла то одну, то другую ногу. Размышляя над тем, каким странным и неожиданным оказалось для него возвращение к этой самой «действительности», Митч протащился со своей спутницей полквартала и только тогда понял, что бармен слишком буквально истолковал его слова и уже не придет ему на помощь.

Деловая часть города уже обезлюдела, они двигались в каком-то совершенно пустом мире. Кое-как Митч добрался до угла улицы и тут обнаружил, что на стоянке нет ни одного такси. В этот поздний час здание кинотеатра, как и следовало ожидать, было погружено в темноту. И опять Митч подумал, что, видимо, не сразу вновь привыкнет к обыденности жизни. Нет, он не может передать женщину первому подвернувшемуся шоферу такси или полицейскому — не может хотя бы потому, что их нет поблизости. Впрочем, Митч и не решился бы остановить машину: водитель в такой час мог заподозрить неладное, а то и просто испугался бы. И он поступил так, как только мог поступить: двинулся дальше.

Женщина все так же машинально переставляла ноги. Митч решил, что на воздухе она придет в себя, и тогда можно будет спросить, чего же она хочет и что он должен для нее сделать. Тогда все встало бы на свои места. Например, он отвез бы ее на своей машине...

Но свежий воздух не помог его спутнице. Она все чаще спотыкалась, все тяжелее повисала на его руке, и вскоре ему пришлось почти тащить ее. Митч уже поддерживал ее обеими руками, не давая ей упасть, и тут вдруг заметил, что стоит перед своим домом. Ну что ж, теперь не остается ничего другого, как отвести ее к себе; он узнает, кто она такая, и по телефону вызовет такси.

За время его отсутствия в квартире не стало чище. Митч отпустил женщину, и она бессильно повалилась на кушетку. Он подумал, что надо, пожалуй, помочь ей принять более удобную позу, и положил ее ноги на кушетку. Красивая туфля из тонкой зеленой кожи с маленькой медной пряжкой и каблуком-шпилькой соскользнула с ноги незнакомки. Вторую Митч снял сам. Предаваясь возвышенным размышлениям о женщинах и женских каблучках, он поставил обе туфли на письменный стол и рядом положил сумку — она была из такой же зеленой кожи. Он понимал, что не совсем удобно рыться в вещах постороннего человека, но иного выхода не было.

Книжечка шоферских прав открыла ему имя женщины: ее звали Натали Максуэлл. Проживала она в Санта-Барбара. Митч присвистнул. Теперь уже нечего и думать об отправке домой на такси — Санта-Барбара за сто миль отсюда. Он нашел еще письмо, адресованное миссис Максуэлл, и снова присвистнул. Значит, она замужем.

Более того, из письма он увидел, что она замужем за человеком, чье имя показалось Митчу знакомым. Джулиус Максуэлл! Митчу пришло на память только одно: это имя овеяно ароматом больших денег. Словом, его спутница не из нищенок. Митч заглянул в ее бумажник — в нем оказалось несколько банкнот, в общем, не так уж много. Но, перелистав ее чековую книжку, он вынужден был присвистнуть в третий раз. Ну нет, бездомной ее никак не назовешь!

Митч провел рукой по волосам и стал размышлять. Он приютил у себя богатую даму из Санта-Барбара, да еще напившуюся до потери сознания. Что же делать дальше?

В сумке не оказалось ничего, что помогло бы узнать, где она остановилась в Лос-Анджелесе.

Как же все-таки быть?

Можно бы позвонить в полицию и сбыть даму, но он с трудом представлял, как это у него получится. Можно было бы позвонить в Санта-Барбара Джулиусу Максуэллу и спросить, как быть. Ну, а если мужа нет дома, тогда узнать у того, кто подойдет к телефону, где миссис Максуэлл останавливается в Лос-Анджелесе, и переправить ее туда. Одна за другой возникали эти мысли в голове Митча, и он тут же их отвергал.

Зачем, собственно, унижать человека? Зачем причинять ему неприятности? Митч не сомневался, что женщина не больна. Просто выпила лишнее, и все. Рано или поздно она придет в себя. Бог свидетель, он не питает никаких дурных намерений. Кроме того, он, Митчел Браун,— драматург, жрец искусства, апостол человеколюбия, а не какой-нибудь мещанин, который трепещет за свою репутацию и смертельно боится сделать что-

нибудь такое, чего делать «не принято». Может ли он поступиться своими убеждениями и допустить, чтобы у этого человеческого существа возникли неприятности с блюстителями закона или хотя бы с мужем? Нет, это исключено.

Ну, хорошо. Допустим, что под влиянием минутного настроения и из-за вероломного дезертирства бармена Тоби он, Митч Браун, был вынужден взять на себя роль самаритянина. Почему же в таком случае не быть добрым самаритянином? Почему не помочь женщине выкарабкаться из создавшегося положения?

Мысль ему понравилась. Он даже готов был назвать ее счастливой. Правильно, надо помочь человеку выпутаться.

Митч написал записку: «Уважаемая миссис Максуэлл! Мой телефон в вашем распоряжении. Можете оставаться моей гостьей сколько вам захочется». Подписав записку, он прошел в спальню, взял легкое одеяло и прикрыл спящую. Несколько минут он постоял, всматриваясь в ее лицо, потом положил записку под туфли так, чтобы она сразу увидела, как только проснется, вернулся в спальню и, закрыв за собой дверь, лег спать.

Первое, что почувствовал Митчел Браун, проснувшись утром в день св. Патрика, был волчий голод. Ну, конечно, он так и не удосужился поесть накануне. Позвольте, позвольте... Ему же нужно лететь в Нью-Йорк, а он даже не уложил чемодана!

Он направился было в кухню, но на пороге вспомнил о гостье, вернулся и надел халат.

Впрочем, он мог не беспокоиться: гостья упорхнула вместе с туфлями, сумкой и его запиской. Исчезла бесследно.

Митч даже не стал терзать себя вопросом, уж не во сне ли все это привиделось ему. Просто женщина пришла в себя и сбежала. Гм... Даже не сказала спасибо. Наверно, перепугалась до смерти. Что ж, таковы люди! — пожал он плечами. Но сейчас ему некогда было размышлять над человеческими слабостями: предстояло сделать множество дел, а времени почти не оставалось.

Митч принялся лихорадочно прибирать квартиру. На самолет в Нью-Йорк он поспел в самый последний момент.

Едва заняв свое кресло, Митч начал страдать. Он мысленно перечитал рукопись, и им овладели сомнения. Он долго не мог уснуть, потом незаметно для самого себя забылся и проснулся уже в Нью-Йорке.

Спустя шесть недель из самолета, приземлившегося в Лос-Анджелесе, вышел Митчел Браун, драматург. Да, да, его пьеса идет в одном из театров Бродвея; впрочем, общее мнение о ней — «так себе». Критики, сплетни, денежные дела... Нет, лич-

но он больше не мог переносить все это. Правда, пьеса пока еще не провалилась, но Митч понимал, что кончится этим, и надо немедленно вернуться домой и начать работать над новой вещью, чем скорее, тем лучше.

Все эти полтора месяца Митч, конечно, был снова оторван от мира сего, ибо что значат всякие там землетрясения, перевороты, войны, когда репетируют твою пьесу?

К себе Митч попал часов в пять вечера и у порога споткнулся о груду газет. В квартире пахло затхлостью, комнаты отнюдь не блистали чистотой, но он решил, что все это пустяки. Митч раскрыл окна, налил бокал виски с водой и, выдернув из кипы последнюю газету, присел, чтобы узнать, чем жил город в его отсутствие.

Последнее убийство... Гм... Газетчики в Лос-Анджелесе каждое убийство подают как самое сенсационное — с треском и шумом. А что сенсационного в этом? Обычная драка. Дня через два забудется.

Митч пробежал глазами вторую страницу, где сообщалось о ранее совершенных преступлениях. О двух или трех он ничего не знал. Какую-то женщину зарезал ее бывший муж. Кто-то застрелил мужчину в прихожей его собственного дома. Обычная дребедень. Митч зевнул. Вывести, что ли, из гаража машину и отправиться куда-нибудь пообедать? Каторгу можно начать отбывать с завтрашнего дня.

В половине седьмого Митч входил в зал давно облюбованного ресторана. Заказав рюмку виски, он углубился в изучение меню.

Минут через десять в зале появилась какая-то женщина и заняла соседний столик. Внимание Митча сначала привлекли ее туфли. Он где-то видел точно такие же. Не только видел, но и как будто держал в руках.

Митч поднял глаза и увидел миссис Максуэлл (Натали, припомнил он ее имя). Да, это была она, миссис Максуэлл, собственной персоной, одетая точно так же, как и при их первой встрече: без шляпки, в том же зеленом костюме, в той же белой блузке. Настоящая светская дама — холеная, цветущая, красивая, уравновешенная и пока совершенно трезвая.

Склонив голову набок, Митч не спускал с нее глаз, надеясь, что она почувствует это. Она и в самом деле посмотрела на него, но взгляд ее оставался холодным и не выразил ничего.

«Понятно,— подумал он.— Она же не видела меня». Чувствуя, что это начинает его забавлять, он отвел глаза, затем снова быстро взглянул на женщину. Натали Максуэлл сделала официанту заказ и с непринужденным видом откинулась на спинку стула, глядя куда-то в сторону. Все же она заметила,

что к ней проявляют интерес, еще раз рассеянно оглядела Митча и тут же равнодушно отвернулась.

Митч невольно почувствовал, что он не заслуживает такого пренебрежительного отношения. Он встал и подошел к ней.

— Здравствуйте, миссис Максуэлл,— дружески улыбнулся он.— Я рад, что вижу вас в полном здравии.

— Прошу прощения? — проговорила она. Митч вспомнил, что уже слышал от нее те же самые слова.

— Я Митчел Браун,— по-прежнему улыбаясь, сказал он.

— Что-то не припоминаю,— прошептала она с искренним недоумением. У нее был прямой, красивый нос, и хотя она сидела, а он стоял, ему показалось, что она смотрит на него свысока.

— Нет, нет, вы должны помнить мою фамилию,— настойчиво продолжал Митч.— Это было шестнадцатого марта. Точнее, утром в день святого Патрика.

— Я не совсем...

«Неужели она так глупа?» — подумал Митч и уже не без ехидства спросил:

— Похмелье было тяжелым?

— Простите, но право же...— раздражаясь, бросила женщина.— Я совершенно вас не понимаю.

— Будет вам, Натали! — Митч тоже начинал сердиться.— Это была моя квартира.

— Что?!

— Вы потеряли сознание и уснули в моей квартире. Здесь, в Лос-Анджелесе.

— Вы, несомненно, ошибаетесь,— холодно ответила женщина.

Но Митч думал иначе.

— Вы миссис Максуэлл?

— Да, это я.

— Из Санта-Барбара?

— Да,— чуть хмурясь, кивнула она.

— В таком случае квартира, в которой вы проснулись утром в день святого Патрика, была моей квартирой,— сказал Митч, сердясь все больше.— И я не понимаю, почему вам вдруг изменила память.

— Что тут происходит? — раздался мужской голос.

Митч повернул голову и сразу решил, что перед ним стоит мистер Джулиус Максуэлл. Это был среднего роста, плотный мужчина, с густыми, тронутыми проседью волосами и черными глазами, властно смотревшими из-под мохнатых бровей. Казалось, все в этом человеке кричит о богатстве и наглости, о привычке приказывать и повторять «я» и «мое».

— Джулиус,— заговорила женщина,— этот человек знает мое имя. Он все твердит о каком-то утре в день святого Патрика.

— Вот как!

— Он утверждает, что я была у него на квартире, здесь, в Лос-Анджелесе.

У Брауна вдруг мелькнула мысль, что все, кажется, проясняется. Очевидно, муж Натали так и не узнал, где она провела ту ночь. Поэтому-то Натали и делала вид, будто не знает Митча, тем более, что Джулиус Максуэлл должен был вот-вот явиться сюда. Но что-то в поведении миссис Максуэлл опровергало такое предположение. Она не выглядела слишком обеспокоенной, ее замешательство казалось даже наигранным.

Ну что ж, придется оставаться галантным.

— Я, видимо, ошибся,— проговорил он.— Но какое поразительное сходство! Возможно, у вас есть двойник, мэм?

Митч считал, что он поступает благородно, давая даме выход из тяжелого положения.

— Двойник? — вызывающе повторил Максуэлл.— Двойник, который пользуется именем моей жены?

Митч решил, что перед ним — дошлый человек и что версия «двойника» может оказаться несостоятельной.

— В таком случае извините,— с непринужденным видом сказал он.

— Садитесь и рассказывайте, — почти приказал Максуэлл.— Мистер...

— Браун,— коротко ответил Митч.

Он уже решил было повернуться и уйти, но взглянул на Натали. Она открыла сумочку и достала пудреницу. Этот жест взволновал его: что это — притворное равнодушие или какая-то трогательная доверчивость? Или еще что-то? В Митче заговорило любопытство, и он сел.

— Понимаете,— начал он небрежно, словно рассказывал самую заурядную историю.— Я случайно зашел в бар и увидел даму, хлебнувшую... ну, через край, что ли. Решил отправить ее в такси домой, но ни одной машины поблизости не оказалось. Кончилось тем, что дама уснула на моей кушетке, а утром ее и след простыл. Вот, собственно, и все.

— Это произошло в день святого Патрика? — уточнил внимательно слушавший Максуэлл.

— Да. Поздно вечером, по существу, уже утром.

— В таком случае, моя жена тут ни при чем. В тот вечер мы вместе с женой сидели у себя дома, в Санта-Барбара.

— Вместе? — осторожно переспросил Митч.

— Вот именно.— В голосе Максуэлла снова прозвучал вызов.

Митч удивлялся все больше и больше. Женщина пудрила нос с таким видом, словно все происходящее ее не касалось.

— Но, может, вы были вместе в одном доме, а не в одной комнате? — поинтересовался Митч.

— Не только в одном доме, но совсем рядом, мы разговаривали, и, если угодно, она прикасалась ко мне.— Джулиус Максуэлл с нескрываемой враждебностью смотрел на Митча.

«Ого, друг милый, да ты, оказывается, тоже лжешь»,— подумал Митч.

— Возможно, я обознался,— спокойно ответил Митч.— Но странно, на этой даме сейчас тот же самый костюм, что и в день святого Патрика. («Посмотрим, что ты скажешь на это!» — мысленно потер Митч руки.)

— Послушайте, вы знаете, кто я? — угрожающе осведомился Максуэлл.

— Слышал ваше имя.

— Вам известно, что я человек влиятельный?

— О да,— любезно согласился Митч.— Даже на расстоянии от вас пахнет деньгами.

— Сколько вам нужно, чтобы забыть, что вы видели мою жену в ту ночь в Лос-Анджелесе?

Митч изумленно поднял брови.

— А сколько это может стоить? — поинтересовался Митч, начиная горячиться.

Их взгляды скрестились.

«Какая чушь!» — мелькнуло у Митча; ему стало казаться, что он случайно забрел в кинотеатр и смотрит какой-то нелепый фильм...

Максуэлл встал из-за стола, сухо извинился и презрительно поглядел на Митча, словно на пса, которому говорят «тубо», приказывая оставаться на месте. Потом он решительно вышел из зала.

Оставшись наедине с женщиной, Митч быстро спросил:

— Что я могу сделать для вас?

Ее рука с длинными пальцами и покрытыми розовым лаком ногтями безвольно лежала на столе, и Митч не спускал с нее глаз. Пальцы не шевельнулись, рука не дрогнула.

— Не понимаю, о чем вы говорите,— равнодушно отозвалась миссис Максуэлл.

— В конце концов это ваше дело,— негодующе сказал Митч.— Я приехал сюда пообедать и не вижу смысла продолжать нашу беседу. Извините.

Он встал, уселся за свой столик и заказал обед.

Через несколько минут вернулся Джулиус Максуэлл; он остановился рядом с женой и торжествующе посмотрел на Митча. Нельзя терять чувства собственного достоинства, решил Митч; нужно спокойно пообедать и сделать вид, что эти двое вообще для него не существуют.

Ему уже принесли бифштекс, когда в зал вошел какой-то человек и направился к столику Максуэлла. Некоторое время они о чем-то говорили, потом Максуэлл поднялся, и оба подошли к Митчу.

— Вот этот тип, лейтенант,— произнес Максуэлл.

Они уселись по обе стороны от Митча, и он с трудом подавил ощущение, что попал в ловушку. Вытирая салфеткой губы, Митч спокойно спросил:

— Как это понять?

— Моя фамилия Принс,— ответил незнакомец.— Я из городской полиции. По словам мистера Максуэлла, вы утверждаете, будто миссис Максуэлл была в нашем городе вечером шестнадцатого марта и утром семнадцатого?

Митч, настороженный и готовый к отпору, отпивал воду маленькими глотками.

— Этот тип пытается меня шантажировать,— заявил Максуэлл.

— Что?! — Митч чуть не задохнулся от возмущения.

У лейтенанта полиции или того, кто выдавал себя за него, было длинное, худое, слегка искривленное книзу лицо.

— Ваша история разрушает ее алиби — вы это понимаете? — спросил он.

— Алиби? Какое алиби? — удивился Митч.

— Да перестаньте, Браун или как вас там! — сердито бросил Максуэлл.— Вы узнали мою жену по фотографиям в газетах.

— Я не читал здешних газет целых шесть недель,— огрызнулся Митч, лихорадочно пытаясь понять, о чем идет речь.

— Дешевая уловка! — усмехнулся Максуэлл, иронически поблескивая глазами.

— Уловка? — Голос Митча прозвучал довольно мягко.

Он понял, что тога апостола человеколюбия с него быстро сползает.

— Какое алиби? — настойчиво переспросил Митч, не спуская взгляда с полицейского.

— Вы хотите услышать это от меня? — вздохнул полицейский.— Ну что ж... Шестнадцатого марта, поздно вечером, некий Джозеф Карлайл был найден убитым в прихожей своего дома. (Навостривший уши Митч тут же вспомнил, что сегодня ему попалась на глаза заметка об этом убийстве.) Карлайл жил

в уединенном месте каньона Голливуд-Хиллс. Видимо, он открыл дверь на чей-то звонок и разговаривал с посетителем в прихожей. Карлайл был убит выстрелом из своего же револьвера, который он хранил в столе. Убийца захлопнул дверь с автоматическим замком, забросил револьвер в кусты и скрылся, не замеченный никем.

— Но при чем здесь миссис Максуэлл? — спросил Митч.

— Миссис Максуэлл в свое время была замужем за Карлайлом. Но она установила свое алиби, и вопрос об ее причастности к убийству отпал.

— Понимаю,— отозвался Митч.

— Миссис Максуэлл тот вечер и ту ночь провела дома, в Санта-Барбара, со мной,— процедил сквозь зубы Джулиус Максуэлл.

Митчел видел, что Максуэлл либо лжет, пытаясь отвести от жены подозрения, либо... Конечно, жалость к женщине — похвальное чувство, но если это ставит под удар человека, питавшего наилучшие намерения... Совершив убийство и находясь в состоянии крайнего нервного возбуждения, можно, конечно, опьянеть и от двух рюмок. Митч не сомневался, что Максуэлл лжет, пытаясь доказать алиби жены. Что бы он ни говорил, женщина, сидящая напротив,— та самая особа, которую он, Митч Браун, из добрых побуждений привел к себе домой...

Но никто не собирался помочь Митчу Брауну выпутаться. «Этот тип пытается меня шантажировать...» Каково!

— А что, если я расскажу вам, как все было в действительности? — предложил он лейтенанту и, получив согласие, коротко и вразумительно передал события памятной ночи.

— И вы верите его басням? — рассмеялся Максуэлл, обращаясь к полицейскому.— Вы можете поверить, что он привел пьяную женщину к себе домой и, оставив ее одну, ушел из комнаты?

Митч Браун почувствовал, что его неприязнь к Максуэллу перерастает в ненависть.

— Нет, нет,— продолжал Максуэлл,— дело обстоит куда проще. Он впервые увидел мою жену здесь, в ресторане. Конечно, он читал газеты — можно ли брать всерьез его россказни насчет шести недель. Он знал, что в прошлом она была женой Джо Карлайла. И вот он решил, что тут можно кое-что сорвать, и попытался ее шантажировать. Вы только послушайте: когда я поинтересовался, какую сумму он хотел бы получить за свое молчание, он спросил: «А сколько это может стоить?»

— Вы слишком примитивно понимаете разговорную речь,— возразил Митч, покусывая губы.— Я вкладывал в свой вопрос совсем другой смысл.

— Да ну? — ехидно улыбнулся Максуэлл.

Лейтенант сидел молча, с безучастным лицом.

— А еще кто-нибудь подтверждает алиби миссис Максуэлл? — обратился к нему Митч.

— Слуги,— равнодушно сказал лейтенант.

— Слуги? — оживился Митч.

— Ну да, что тут удивительного? — совсем уж безучастно произнес полицейский.

— Здорово! — заметил Митч Браун.— Вы не находите ничего удивительного в том, что слуги якобы видели собственными глазами мужа и жену, когда те оставались вдвоем поздно вечером и утром. Но вы не считаете возможным, чтобы человек устроил у себя дома на ночлег опьяневшую женщину... ну хотя бы из желания по-человечески ей помочь.

Лейтенант хотел что-то сказать, но Митч опередил его:

— Вам нужны факты? Хорошо. Нам достаточно переговорить с барменом, чтобы получить их.

— Видимо, так,— отозвался Максуэлл.— Подождите, мы с женой пойдем вместе с вами.

Он поднялся и подошел к жене. Митч остался с полицейским.

— Были ли найдены отпечатки пальцев? — шепотом спросил он.

Лейтенант отрицательно покачал головой.

— У нее есть машина? Она ее брала в ту ночь?

Полицейский снова сделал отрицательный жест.

— Кто же мог застрелить Карлайла? У него были враги?

— У кого их нет? Пожалуй, действительно, лучше всего опросить бармена.

На машине лейтенанта все четверо приехали в бар «Длиннохвостый попугай». Тоби был на месте.

— Здравствуйте, мистер Браун! — улыбнулся он.— Давненько не заглядывали.

— Уезжал в Нью-Йорк... Тоби, скажите этому человеку, что произошло здесь примерно в половине второго ночи семнадцатого марта.

— Что, что? — Лицо Тоби посерело, в глазах появилось какое-то бессмысленное выражение. Митч сразу понял, что произойдет дальше.

— Вы видели здесь этого человека или эту даму между часом и двумя в ночь на семнадцатое марта? — спросил полицейский и добавил: — Я лейтенант Принс из городской полиции Лос-Анджелеса.

— Нет, сэр. Мистера Брауна я, конечно, знаю. Он живет где-

то неподалеку и заходит иногда сюда. Он писатель. А что касается дамы... Нет, даму я вижу первый раз.

— Ну, а Браун? Он-то был здесь в ту ночь или в то утро?

— По-моему, нет. Постойте! Я припоминаю, что в ту ночь болел мой ребенок и я закрыл заведение раньше обычного. Можете справиться у жены.— Взгляд Тоби был неестественно пристальным, как всегда бывает у человека, говорящего заведомо неправду.

Лейтенант Принс повернулся к Митчелу Брауну.

— Ну нет! — ухмыляясь, заговорил Митч.— Давайте не будем разыгрывать в лицах популярные анекдоты.— Он облокотился на стойку бара и беззвучно рассмеялся.

— О чем вы говорите? — проворчал полицейский.— Лучше бы вы дали мне какое-нибудь подтверждение вашего рассказа. Кто может подтвердить эту историю? Кто-нибудь видел вас и даму в ту ночь?

— Никто,— добродушно развел руками Митч.— На улицах не было ни души. И здесь, в баре, никого не было. Нет, вы только подумайте!

Лейтенант раздраженно фыркнул.

— Писатель...— заметил Джулиус Максуэлл таким тоном, словно этим было сказано все.

— Почему бы нам не присесть? — все так же жизнерадостно предложил Митч.— Мы бы еще что-нибудь порассказали друг другу.

Предложение Брауна было принято. В кабину первой вошла светловолосая Натали Максуэлл — изящная, богатая, уверенная в себе, но... словно онемевшая. («Может, ее напичкали каким-нибудь одурманивающим снадобьем?» — спросил себя Митч.) Джулиус Максуэлл уселся рядом с ней, полицейский и Митч — напротив.

Браун вовсе не был в таком веселом настроении, как могло казаться. Но он не показывал виду, не терял сомообладания. Он принялся мысленно изучать своего противника. Джулиус Максуэлл, преуспевающий делец пиратского типа, жестокий и наглый, орудующий деньгами, как дубиной. Он собирается по меньшей мере поставить его, Митча Брауна, в глупое положение... Да, но как же с убийством?

Митч почувствовал, что вновь становится самим собой.

— Не желаете ли заказать что-нибудь? — мягко спросил он у женщины.— Может быть, виски?

— Я не пью,— надменно ответила Натали, опуская ресницы и проводя кончиком языка по губам.

Задумчиво глядя на нее, Митч Браун машинально проделал то же самое.

— Нам сейчас не до виски,— вмешался Максуэлл, которому явно было тесно в кабине.— Вернемся к делу. Этот молодой человек, кто бы он ни был, встретил мою жену в ресторане и узнал в ней ту женщину, о которой писали газеты в связи с убийством Карлайла. Зная, что я человек состоятельный, он решил прибегнуть к шантажу, рассчитывая, что во избежание неприятностей я что-нибудь ему заплачу. Решил воспользоваться случаем! — добавил он с гнусной ухмылкой.— Я его понимаю.

— Сомневаюсь,— спокойно ответил Митч.

— Послушайте, лейтенант Принс! — крикнул Максуэлл.— Я могу привлечь этого типа к ответственности?

— У вас нет доказательств, что он занимался вымогательством,— мрачно пробормотал полицейский.— Вот если бы вы дали ему деньги при свидетелях...

— Он не смог бы этого сделать,— сказал Митч,— по той простой причине, что я и не помышлял ни о каких деньгах.

Полицейский устало закрыл глаза, а когда снова открыл их, стало ясно, что он пока никому и ничему здесь не верит.

— Давайте-ка разберемся еще раз,— сказал он наконец.— Мистер Максуэлл, вы говорите...

— Я говорю, что в тот вечер и в ту ночь жена была дома— это подтверждают мои слуги, это известно полиции. Следовательно, этот человек — лжец. Из каких побуждений — вопрос другой. Во всяком случае, никто и ничто не подтверждает тех побасенок, которыми он нас кормит. Бармен уже уличил его. Чего стоит одно утверждение этого человека, будто он шесть недель не брал в руки газет! Можете судить, чего стоят его фантазии...

Лейтенант молча выслушал Максуэлла и повернулся к Митчу.

— А вы говорите...

— А я говорю, что семнадцатого марта улетел в Нью-Йорк, где присутствовал на репетициях моей пьесы и на ее премьере.

— Писателишка! — презрительно пробурчал Максуэлл.

— Драматург,— поправил Митч.— Вам, наверно, даже невдомек, что такое драматург. Прежде всего это человек, пытающийся постичь душу других людей. Как ни странно, даже таких, как вы.— Митч перегнулся через стол.— Вы наглый пират. Вы награбили состояние и возомнили, что за деньги можно купить все... Хотите, я изложу вам свою версию убийства Карлайла?

По лицу Джулиуса Максуэлла промелькнула издевательская усмешка, но Натали — Митч сразу заметил это — явно насторожилась.

— Ваша жена приехала в Лос-Анджелес и застрелила своего бывшего мужа,— жестко отчеканил он. У Натали даже ресницы не дрогнули, но это только подхлестнуло натренированное долгой работой воображение драматурга.— Так вот. Возможно, от пережитых волнений Натали стало плохо, а возможно, ее уже мучило раскаяние,— как бы то ни было, она решила найти успокоение в вине. (Теперь Натали не спускала глаз с Митча.) Ну, а потом она проснулась у меня, бросилась к своей машине — она у нее, конечно, была — и прикатила домой... Что еще ей оставалось делать? — как бы размышляя вслух, продолжал Митч.— Она совершила преступление, и кто-то должен был помочь ей выпутаться.— (Ага! Натали затаила дыхание?)

— Кто же мог ей помочь? — в упор спросил Митч.— Вы, Максуэлл! Почему? Объясню и это. Вы не тот человек, который позволит, чтобы его жена была осуждена за убийство. По вашему мнению, она совершила всего лишь непростительную глупость. Возможно, вы даже пожурили ее, но тут же утешили, заявив, что беспокоиться нечего, потому что она *ваша* жена и вы все уладите. Деньги! За деньги можно купить все. А ей остается только поступать так, как скажете вы, а потом все забыть...— Помолчав, Митч тихо спросил: — Неужели вы думали, что она сможет забыть *это*?

Никто не пошевелился. Митч продолжал:

— Затем вы развернули бурную деятельность, подкупили своих слуг, подкупили бармена Тоби. Но тут выяснилось, что есть еще один человек, который может разрушить алиби вашей жены. И этот человек к тому же драматург. Да, вы интересовались моей особой. Вы прекрасно знали, где я и что я делаю, и выяснили даже, в какой день и час я возвращаюсь в Лос-Анджелес.

— Чушь! — вмешался лейтенант Принс.— Вы говорите, что он подкупил всех. Почему же он не подкупил вас?

Митч сумрачно посмотрел на полицейского.

— Да потому, что я действительно не читал газет и ничего не знал об убийстве. Как же он мог подкупить меня? Он просто решил, что я ненормальный. Кто же в здравом уме по полтора месяца не читает газет? Взвесив все это, он тут же придумал вариант с шантажом.

Кто-то из ваших людей вел за мной наблюдение, а вы с Натали тем временем торчали где-нибудь поблизости,— продолжал Митч, обращаясь к Максуэллу, и, заметив, что полицейский пожал плечами, быстро добавил: — Иначе как могло получиться, что в день возвращения в Лос-Анджелес я наталкиваюсь на Натали, одетую, кстати, совершенно так же, как в тот вечер?

— А кто может подтвердить, что она одета так же? — невозмутимо спросил Максуэлл.

— В ресторан,— заявил Митч,— она вошла одна...

— Я задержался, чтобы позвонить по телефону,— снова перебил его Максуэлл.

— Одна,— настойчиво повторил Митч, не обращая внимания на замечание Максуэлла.— А почему? Потому, что ей нужно было привлечь мое внимание, подтолкнуть на разговор с ней. Тот же самый костюм потребовался, чтобы я узнал ее. Потом она делает вид, будто совершенно не знает меня, и в игру включается Максуэлл. Подкупив нескольких человек, вы, Максуэлл, решили, что ваша позиция неуязвима, и попытались представить меня шантажистом. «Браун — писатель,— рассуждали вы,— стало быть, сумасшедший». Чтобы дискредитировать меня, вы и разыграли сцену в ресторане и заранее обеспечили свидетеля — вот этого полицейского.

— Но зачем? — глухо пробурчал лейтенант.

— Что «зачем»? — удивился Митч.

— Зачем нужно было все это придумывать да еще и меня приплетать?

— Очень просто. Что, если бы я все-таки прочитал газеты и узнал по фотоснимкам его жену? Что, если бы я пришел к вам в полицию и заявил обо всем, что знаю? Кем бы я тогда был? Порядочным гражданином, выполнившим свой долг. Не так ли? А теперь, после инсценировки, которую устроил Максуэлл в ресторане, все выглядит так, будто я пришел к ним, чтобы воспользоваться удобным моментом. А он, Максуэлл, как порядочный гражданин, обратился к вам.

Лейтенант с шумом выдохнул воздух, но лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— Хитроумная затея, ничего не скажешь! — воскликнул Митч. («Настолько хитроумная,— добавил он про себя,— что никто в нее не поверит».) — Плохо же вы знаете людей, Максуэлл.

— Да, буйная у вас фантазия, ничего не скажешь! — криво улыбнулся Максуэлл, сидевший до этого с невозмутимым видом.— Только это даже не фантазия, а бред.

— Одну минуту, Браун,— к удивлению обоих, вдруг заговорил полицейский.— По вашим словам, Максуэлл знает, что его жена — убийца, и он, стало быть, действует как укрыватель преступника? Вы это хотели сказать?

Митч заколебался.

— Он еще не придумал конца своей сказки,— вставил Максуэлл.— Послушайте, лейтенант, а все-таки он мастерски разыграл роль безвинной жертвы! Хорошо, согласен: вы ловкий ма-

лый, Браун, и доказали, что умеете сочинять дешевые детективные романы. Могу засвидетельствовать: попытка ваша оказалась удачной...

Митч сообразил, что ему предлагают путь для почетного отступления.

— А может,— Максуэлл добродушно улыбнулся,— а может, он просто решил завести интрижку с хорошенькой женщиной?

Да, да, подумал Митч, ему действительно подсказывают способ спасти свою репутацию. Больше того, если он пойдет навстречу Максуэллу, ему обеспечены деньги и все, что вытекает из обладания ими.

— Максуэлл — лжец,— медленно, отчетливо произнес он.— И укрыватель убийцы. Именно это я и хотел сказать, лейтенант.

— Докажите! — крикнул Максуэлл, и лицо его потемнело.— Если вы не докажете это фактами, я подам в суд и сотру вас в порошок. Я не позволю называть себя лжецом.

— А вы думали, я позволю? — ответил Митч и с любопытством взглянул на Максуэлла, словно впервые его видел.

— Послушайте, вы!— Лейтенант внезапно вспылил.— Дайте мне доказательства. Мне нужны факты.

— Ничего он дать не может,— пренебрежительно скривился Максуэлл.— Все это вздор!

Митч лихорадочно пытался припомнить какую-нибудь деталь, за которую мог бы ухватиться.

— Я как-то не подумал о машине...— пробормотал он.— Даже по туфлям миссис Максуэлл можно было догадаться, что она не пешком добиралась до Лос-Анджелеса. Да и вообще, с тех пор, как она стала женой этого мешка с деньгами, вряд ли ее устраивает пеший способ передвижения.

Митч видел, что Максуэлл с трудом сдерживает ярость, то ли искреннюю, то ли наигранную, а Натали вся превратилась в слух. Он решил, что в ней все же еще оставалось что-то человеческое.

— Почему вы ушли от Карлайла? — обратился он к миссис Максуэлл.— Что это был за человек? Вы поссорились? Вы ненавидели его? Он вас мучил?

Полуоткрыв от изумления рот, женщина не сводила с Митча заблестевших глаз. Ее муж порывался вскочить, пустить в ход кулаки, и Митч знал, против кого.

— Сидите, Максуэлл! — остановил его полицейский.— А вы попридержите-ка язык,— повернулся он к Брауну.— Бросьте заниматься тут всякой психологией и приписывать людям черт знает что. Миссис Максуэлл доказала свое алиби. И если

уж вам хочется его опровергнуть, то закон требует надлежащих доказательств.

— Но с чего бы я стал лгать? — спросил Митч.— В расчете на деньги? Смешно!..— Он умолк и удивленно уставился на Натали; она вдруг открыла сумочку, достала губную помаду и спокойно принялась подкрашивать губы. Убийство... Тюрьма... А она красит губы. Клевета... Шантаж. А она губы...

— Приведите доказательства,— сердито настаивал полицейский.

— Одну минуту,— ответил Митч, откидываясь на спинку стула.— Продолжим разговор о деньгах. Видимо, у Натали есть все, что можно купить на деньги. Все ее расходы оплачиваются, но у нее есть свой текущий счет.

— Уйдем отсюда,— встал Максуэлл.— Этого типа снова прорвало.

Полицейский тоже собирался уходить из кабины и подталкивал Митча к выходу.

— А знаете, что я могу доказать? — сказал вдруг Митч.

— Ну? — нетерпеливо буркнул Принс.

Протянув руку, Браун вдруг схватил сумочку Натали — ту самую, зеленую, под цвет ее туфель.

— Позвольте, позвольте! — Максуэлл попытался помешать ему, но опоздал.

— Посмотрите, тут ли чековая книжка,— сказал Митч, передавая сумку полицейскому.—Толстая чековая книжка. На первой странице проставлена фамилия Натали и все остальное. Вряд ли она часто выписывает чеки. Так что книжка — та же самая.

Принс с недоумевающим видом держал сумку в руках.

— Найдите чековую книжку. Это улика,— потребовал Митч.

— Собственно, имеете ли вы право...— начал было Максуэлл, но под взглядом полицейского осекся и замолчал.

— Да, она здесь,— сказал Принс и достал из сумки чековую книжку.— Начата двадцать первого февраля. И что же?

Митч Браун откинулся на обитую красной искусственной кожей стенку кабины и поднял глаза к потолку.

— Никто на свете не знает... разумеется, кроме Натали, если она не страдает потерей памяти, в чем я сомневаюсь... какая сумма остатка указана в чековой книжке на утро дня святого Патрика. Никто. А я знаю. Почему? Потому, что я заглянул в чековую книжку миссис Максуэлл, когда она спала на моей кушетке: я ведь пытался узнать, кто она, чем ей можно помочь и нуждается ли она в деньгах.

Лейтенант Принс перелистывал корешки чеков.

— Ну, ну?

— Назвать вам сумму? С точностью до одного цента? — На лбу Митча выступил пот.— Четыре тысячи шестьсот четырнадцать долларов и шестьдесят один цент! — медленно и внятно произнес он.

— Правильно! — удивился полицейский и холодно взглянул на Джулиуса Максуэлла.

Но Митч Браун не испытывал торжества. Он словно забыл о присутствии лейтенанта.

— Натали,— сказал он.— Жаль, что так получилось. Но я думал, что у вас какая-нибудь мелкая неприятность, и хотел вам помочь. Почему вы ничего мне не рассказали там, в ресторане?

У женщины задрожали подкрашенные губы.

— Конечно, вам так или иначе пришлось бы отвечать перед законом: мне ведь не оставалось бы ничего другого, как обратиться в полицию. Но я бы хоть выслушал вас.

Натали бессильно опустила голову на красную клетчатую скатерть.

— Я не хотела. Я не хотела! — проговорила она сквозь рыдания.— Но Джо все оскорблял и оскорблял меня, и я перестала владеть собой.

— Замолчи! — крикнул Максуэлл; до него, очевидно, только теперь дошло, какой удар неожиданно нанес Митч.

Полицейский поднялся и направился к телефону.

Митч молча сидел около рыдающей женщины.

— Натали, если...— холодно и сурово заговорил Максуэлл, но вдруг отодвинулся от жены, как от прокаженной. Было ясно, что теперь он с пеной у рта станет доказывать свою непричастность.

— Нет, это ты замолчи! Да, замолчи! — истерически выкрикнула женщина.— Сколько раз говорила я тебе, а ты не хотел даже понять меня. Ты посоветовал дать Джо тысячу долларов, ты уверял, что он отстанет от меня, что только деньги ему и нужны. Ты даже не пытался почувствовать, как я мучилась... А Джо все твердил... все твердил о нашем ребенке... Он сказал, что ребенок умер от голода, потому что у него не стало матери... Мой ребенок! — крикнула она.— А ты запретил мне взять его к себе!..

Она обхватила голову руками, ее пальцы с розовыми ногтями запутались в волосах.

— Как я раскаиваюсь! Я не знала, что револьвер заряжен... Я больше не могла переносить... Он терзал меня... Он сводил меня с ума... И никакие деньги не могли его остановить...

Сердце Митча сжималось от жалости к этой женщине.

— Что же, по-вашему, главное в жизни? — гневно крикнул он Максуэллу.— Меха, бриллианты и прочее?

— Ребенок умер естественной смертью,— огрызнулся Максуэлл.

— Да, да! Он всегда думал, что главное — деньги! — простонала Натали.— Для него больше ничего не существует. Теперь-то я поняла... Он сказал, что все уладит... Но он никогда не заставит меня забыть...

Она снова опустила голову на стол и застыла.

В кабину вернулся полицейский, и лицо Джулиуса Максуэлла посерело.

— Придется подождать здесь,— сказал лейтенант; было видно, что его что-то тревожит.

— Скажите, Браун,— обратился он к Митчу,— как вы смогли целых полтора месяца сохранять в памяти шестизначное число? Уж не математический ли вы гений? Или, может, у вас... как это говорят... фотографическая память?

Митч несколько мгновений не мог собраться с мыслями. Потом он сказал:

— Цифры врезались мне в память... Они повторяются: 4-6-1, 4-6-1.. Не так уж трудно запомнить. Да и сумма внушительная — для меня по крайней мере

— И для меня тоже,— сказал полицейский.— Надеюсь, все слышали, что говорила здесь эта женщина?

— Разумеется, все,— подтвердил Митч.— Она созналась и уличила Максуэлла как укрывателя. Взгляните-ка на Тоби. Уж он-то все слышал! В общем, недостатка в уликах и свидетелях у вас не будет.

Принс взглянул на чету Максуэллов.

— Вот и я так думаю,— сухо произнес он.

В тот же вечер, попозже, Митч Браун сидел в одном из лос-анджелесских баров и разговаривал с барменом.

— Скажи-ка, тебе известно, что семнадцатое марта — вовсе не день рождения святого Патрика, а день его смерти?

— Да что вы говорите! — из вежливости удивился бармен.

— Вот именно. Я писатель, понимаешь? Мне приходится много читать, и кое-что застревает в памяти. Обычно-то я не очень хорошо запоминаю цифры, а вот на этот раз... Ты знаешь, в каком году умер святой Патрик? В 461-м!

— Так. И что же?

— Напиши число «461» два раза и отдели запятой последние две цифры. Получится 4614,61. Совпадение почти невероятное, но, как видишь, оно произошло в утро дня святого Патрика. И знаешь, что я тебе еще скажу? — Митч постучал кулаком по стойке бара.— Не все можно купить за деньги!

ДЕСЯТЬ НИТЕЙ

Известный писатель Эмос Полкингорн, чьи книги о похождениях знаменитого детектива Дэниеля Дина можно было найти в каждой библиотеке страны, однажды утром вышел из своего пригородного дома, собираясь встретить почтальона. Но улица была пустынна, и Полкингорн не спеша пошел обратно. Вот тут-то, к своему величайшему удивлению, он обнаружил, что из окна соседнего дома, отогнув край занавески, кто-то смотрит на улицу.

Это обстоятельство удивило писателя, потому что обитавшая в доме семья несколько дней назад уехала и дом пустовал.

Несомненно, Дэниель Дин, главный герой романов Полкингорна, не повел бы и бровью, сделав такое открытие. А вот у самого писателя мгновенно пересохло во рту, ноги его стали подгибаться. Пошатываясь, он с трудом поднялся к себе и лишь через несколько минут собрался с силами, чтобы позвонить в полицию.

В ожидании полицейских Полкингорн тщетно ломал голову, пытаясь найти какой-нибудь ход, который помог бы ему разгадать внезапно возникшую загадку. Как раз в эту минуту на улице появился почтальон. Полкингорн не стал его предупреждать, что заходить к Арнольдам опасно. Он внимательно наблюдал за человеком с кожаной сумкой, не забывая соблюдать осторожность, чтобы самого его не заметили из соседнего дома.

Почтальон подошел к двери, опустил письма в почтовый ящик, потом — живой и невредимый — вернулся на тротуар и зашагал дальше. У Полкингорна отлегло от сердца.

К тому времени, когда пришли два детектива в штатском, Полкингорн полностью овладел своими нервами, испытывая теперь лишь острейшее любопытство, что, несомненно, больше подходило человеку его профессии. Он обратил внимание, что детективы без предосторожностей и ухищрений обошли вокруг дома Арнольдов, установили, что дверь не заперта, и вошли. Надо ли говорить, что Полкингорн поспешил присоединиться к ним? В доме они никого не нашли, но на столе в кухне обнаружили нечто такое, что могло послужить важной нитью для дальнейшего расследования и придавало обстановке определенную остроту.

Оба полицейских — Коннерс и Ферли — знали, что Полкингорн — писатель, работающий в детективном жанре, и потому осматривая дом Арнольдов, охотно делились с ним своими наблюдениями.

Полкингорн сидел у стола на кухне и слушал, как детективы обмениваются догадками и предположениями. Сам того не за-

мечая, он пытался принять позу, при которой у него, как и у придуманного им Дэниеля Дина, профиль казался бы ястребиным,— задача не из легких, поскольку природа создала Полкингорна курносым.

— Понимаете, сэр,— говорил Коннерс,— такие кепки из грубого материала шьют для себя заключенные в тюрьме нашего штата. Это факт. Дней десять назад из заключения бежали трое арестантов, и до сих пор ни одного из них не удалось поймать. Правда, судьба двоих нам известна. Недалеко отсюда на побережье есть сарай, где хранятся лодки. Так вот, дней семь назад они проникли в него, но наткнулись на человека, который возился со своей шлюпкой. Он не успел их рассмотреть, однако по нескольким оброненным ими фразам понял, что перед ним беглые арестанты. А в следующую минуту они оглушили его, захватили шлюпку и вышли в море, но были застигнуты штормом. Очевидцы рассказывают, что перевернувшуюся шлюпку вскоре выбросило на берег, а бандиты утонули. Значит, двоих беглецов надо скинуть со счетов. Судя по этой кепке, третий целую неделю скрывался здесь, в доме. Но вот вопрос: кто именно из троих?

— Это так важно? — поинтересовался Полкингорн, с глубокомысленным видом уставился в потолок, потом закивал головой: — Ах, да, да!

Детектив помоложе, Ферли, слегка улыбнулся.

— Разумеется. Надо знать приметы того, кто разыскивается.

— Золотые слова! — ответил Полкингорн, поджимая губы.

— Вы видели его,— заговорил Коннерс,— точнее, его пальцы, каких-нибудь сорок минут назад. Следовательно, далеко уйти он не мог. Возможно, преступника задержат.— Детектив давал понять, что в действие приведена вся огромная полицейская машина.— Но возможно, и не задержат. Наша задача была бы облегчена, если бы мы знали точно, кого именно искать.

— Применяя дедуктивный метод,— задумчиво заметил Полкингорн,— это, пожалуй, нетрудно установить.— Оба полицейских почтительно молчали.— Как он осмелился сюда проникнуть? Каким образом он узнал, что в доме никого нет и не будет еще некоторое время? — начал вслух размышлять Полкингорн. Его мысли уже работали в привычном направлении.

— Да очень просто,— простодушно отозвался Коннерс.— Миссис Арнольд приколола к двери записку молочнику. Вот она: «Молоко в течение десяти дней нам не оставляйте. Вернемся во вторник десятого».

— То есть завтра,— добавил Ферли.— Читать-то он умеет!

— Резонно,— подтвердил Полкингорн с самой очаровательной из всех улыбок несравненного Дэниеля Дина.

— Мы связались по телефону с Арнольдами и попросили их ускорить свое возвращение. Часа через два они будут здесь и определят, что у них тут взято.

— Да, но за это время мы сами, возможно, что-нибудь найдем.— Полкингорн не замечал, что и тоном и манерами подражает своему Дэниелю Дину.— Разумеется, для этого вы должны рассказать мне все, что вам известно о беглецах.

— Что нам известно? — переспросил Коннерс.— Пожалуйста.

Полкингорн вынул бумагу и карандаш. Он ощущал необыкновенный подъем и удовлетворение и уже представлял себе огромные заголовки в газетах:

«ЗНАМЕНИТЫЙ АВТОР ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ ПРЕПОДАЕТ ПОЛИЦИИ УРОК ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТИ». Он уже видел, как, отвечая на вопросы знакомых, снисходительно улыбнется и воскликнет: «Но это же оказалось сущим пустяком!»

— Так вот,— продолжал Коннерс.— Одного из них зовут Марио Коссетти; ему 29 лет, рост — пять футов и пять дюймов, вес — 155 фунтов; смуглый, волосы и глаза черные, на правой ноге протез (он бывший военный моряк, потерявший ногу на войне). осужден за бандитизм.. Вас это интересует?

— Вот именно! — обрадованно подтвердил Полкингорн, быстро делая пометки.— Что еще можно сказать об его прошлом?

— Уроженец Нью-Йорка, проживал в Ист-Сайде, учился в средней школе, но не окончил ее.

— Прекрасно.

— Следующий — Гленуэй Сперроу,— воодушевляясь, продолжал Коннерс.— 42 года, рост — пять футов и одиннадцать дюймов, вес — 125 фунтов; серые глаза, седые волосы. От военной службы был освобожден по состоянию здоровья; в прошлом издательский работник; образование высшее; осужден за попытку шантажа — он профессиональный шантажист. Говорят,— доверительно добавил Коннерс,— Сперроу очень рассердился на судью. Человек он, по отзывам, умный, но большой эгоист; очень беспокоится о своем здоровье.

Полкингорн аккуратно, колонками, записывал все эти сведения.

— Третий — Мэтью Хууз. 24 года, рост — шесть футов и один дюйм, вес — 195 фунтов; рыжие волосы, голубые глаза. Отслужил два года в армии и демобилизован с удовлетворительной характеристикой; осужден за убийство во время драки

в баре. Уроженец Кентукки; перед арестом — безработный. По-моему, один из тех, кого называют неудачником.

— Ну, так что вы скажете, мистер Полкингорн? — ухмыльнулся Ферли.— Или, может, мне лучше спросить, что сказал бы Дэниель Дин?

Полкингорн встал. Он чувствовал себя в своей стихии.

— Дэниель Дин еще раз осмотрел бы дом,— объявил он.— Если не возражаете, это сделаю я.

Мистер Арнольд вместе с женой, сынишкой Бобом и дочерью Джинни выехал на морское побережье, намереваясь провести там большую часть своего двухнедельного отпуска. Обыкновенная, ничем не примечательная семья. Уж много лет Арнольды проживали по соседству с Полкингорном и все это время оставались для него лишь очень милыми соседями, не больше. Они не принадлежали к числу друзей Полкингорна, поскольку не были ни интеллектуалами, ни поклонниками Дэниеля Дина. В том скромном образе жизни, который вели его соседи, Полкингорн не видел ничего такого, что мог бы использовать как писатель. До этого случая Полкингорн ни разу не заглядывал к ним.

И вот теперь он проходил по дому, тщательно осматривал каждую комнату и думал, думал. Ветхий, как-то несуразно построенный дом был загроможден всякой всячиной, и на его обход понадобилось немало времени.

Наконец Полкингорн вернулся на кухню и разложил на столе сделанные заметки. Его уже поджидал позевывавший Ферли. Здесь же уселся Коннерс; он молча и солидно сопровождал писателя во время осмотра дома, и, ободряемый его присутствием, Полкингорн часто и многозначительно поджимал губы и закатывал глаза. Детективам все равно предстояло дожидаться семью Арнольдов, и потому они проявили полную готовность выслушать Полкингорна, когда тот закончил просматривать заметки и взглянул на них.

— Так вот,— объявил он.— Мы столкнулись с небольшой загадкой... Небольшой, но сложной.

— Вы что-нибудь обнаружили? — сонно поинтересовался Ферли.

— Что вы скажете, например, вот об этом? — многозначительно спросил Полкингорн, осторожно разворачивая небольшой клочок грязной бумаги; на нем были видны написанные бледным карандашом полуистершиеся слова: ПОМ... МАЙ... КАП... КАР... МА... СПА... МЕ... ДЛ... САН...

Ферли взял клочок и громко прочел ничего не говорящий текст.

— Где вы это нашли?

— Под стулом. Как им удалось бежать из тюрьмы? — в свою

очередь, спросил Полкингорн отрывисто и резко, как всегда делал Дэниель Дин.— С помощью извне?

Коннерс удивленно уставился на него.

— Это зашифрованная записка,— пояснил Полкингорн,— и она, безусловно, была написана с определенной целью.— Оба детектива сидели затаив дыхание и не спуская с него глаз.— Полагаю, она предназначалась для Сперроу. Почему? Да потому, что он представлял собой, так сказать, «мозговой трест» группы. Если в тюрьму была послана зашифрованная записка, она, несомненно, предназначалась для Сперроу, только для него. Однако,— продолжал он, направляя внимание слушателей по ложному следу, точно так же, как поступил бы он во второй главе своего романа,— однако на книжной полке в гостиной оказался недорогой носок. Вероятно, вы тоже его заметили. Новый, чистый, ни разу не использованный носок. Но почему один? Одним носком мог обходиться только Коссетти — человек с протезом.

— Да, да, теперь я понимаю, что вы хотите сказать! — не очень уверенно заметил Коннерс.

— Разумеется, сама по себе записка мало что значит,— продолжал Полкингорн,— но я нашел еще два небольших доказательства, указывающих на Коссетти.

— А сколько вы вообще нашли доказательств? — добродушно осведомился Коннерс.

— Десять. Три указывают на Коссетти, одно, возможно, на Мэтью Хууза, хотя другое, возможно, исключает его, и пять свидетельствуют или, скажем осторожнее, могут свидетельствовать, против Сперроу.

— Следовательно, вы считаете, что тут скрывался Сперроу?

Полкингорн терпеть не мог, когда кто-то чересчур поспешно делал окончательный вывод. К тому же ему нравилось слушать самого себя.

— Ну дайте же мне закончить! — недовольно воскликнул он.

Детективы промолчали, и Полкингорн заговорил снова:

— Итак, продолжим нашу цепь рассуждений о Коссетти. По-видимому, вы тоже заметили здесь, на кухне, семь банок из-под консервов. Почему они хранятся здесь, а не выброшены в мусор? Скорее всего потому, что человек не рискнул выходить из своего временного убежища.— Оба детектива согласно кивнули.— Прошу заметить: все семь банок — из-под спагетти.

— Обычная еда итальянцев! — благоговейно воскликнул Ферли.— Следовательно, здесь скрывался Коссетти.

— Совершенно верно... Но пойдем дальше. В гостиной под столом лежит нечто вроде веревки, связанной из галстуков. Вы,

вероятно, тоже обратили на нее внимание, поскольку ее положение может иметь определенное значение.

— Я видел эту штуку,— подтвердил Коннерс.— Для чего она?

Полкингорн и представить себе не мог, для чего предназначалась «веревка», если только беглец не помышлял о самоубийстве. Но как мог он повеситься под столом?

— Оставим пока в стороне этот вопрос и обратим внимание на следующее: при тщательном осмотре узлов легко убедиться, что все они в равной мере сложны и в то же время среди них нет двух совершенно одинаковых. Узлы завязывал настоящий мастер своего дела. Кажется, вы говорили, что Коссетти служил в военно-морском флоте?

Лица детективов ничего не выражали. Полагая, что им просто нечего сказать, настолько они ошеломлены его проницательностью, Полкингорн откашлялся и продолжал:

— Но давайте на минуту оставим Коссетти в покое и займемся Хуузом. Вы заметили пустую бутылку из-под вина? Пустой оказалась лишь одна бутылка, хотя в шкафу мистера Арнольда стоят еще несколько бутылок с различными винами. Из-под чего эта бутылка? Из-под кукурузного виски!

— Которое делают главным образом в Кентукки! — воскликнул Ферли.— А знаете, мне это определенно начинает нравиться. Как называется ваш метод? Дедуктивным?

Полкингорну показалось, что его собеседники подмигнули друг другу, и потому решил не нагнетать таинственности вокруг Хууза.

— Вернемся к Сперроу,— несколько высокомерно заявил он.— Вы, не сомневаюсь, заметили, что ни на одной из кроватей в отсутствие хозяев никто не спал. Для меня яснее ясного, что человек, который знает, что его разыскивают, предпочитает спать, пусть даже урывками, внизу, на диване, откуда легче бежать, если кто-нибудь появится в доме. Вы обратили внимание на два пустых флакона из-под аспирина в гостиной, на столике рядом с длинным зеленым диваном? Разве это не факт, что из троих бежавших только у Сперроу неважное здоровье? Он очень худ, освобожден по болезни от военной службы, умный, нервный и вспыльчивый. Из всех троих только он и мог принимать аспирин.— Полкингорн чувствовал, как растет в нем уверенность.— В поле вашего зрения, наверно, попала пачка старых журналов на полу и брошенные рядом ножницы? Вы заметили, что из журналов сделаны вырезки? По вашим словам, Сперроу очень рассердился на какого-то судью. Разве нельзя представить, что он сочинял анонимку с угрозами? Кому не из-

вестно, что к такому способу составления писем охотно прибегают, например, шантажисты?

По выражению лиц детективов Полкингорн понял, что его последнее предположение не кажется им вполне убедительным, и поспешил оговориться:

— Да, да, возможно, я несколько фантазирую, но ведь в конце концов человек, скрываясь от погони несколько дней, прожил здесь в одиночестве. Чем он, по-вашему, занимался?

— Ел спагетти,— тихо ответил Ферли.

— А вот я скажу, чем он занимался в дневное время. Он читал. И что именно, как по-вашему? Он прочел несколько очень сложных для простого человека книг, таких, как «Закулисная история американской революции», толстая книга Вильяма Джеймса, полное собрание сочинений Вильяма Шекспира.

— Как вы узнали?

— Шесть этих книг лежат на столе в гостиной, а на полке как раз шести книг не хватает.

В этом месте Полкингорн почувствовал укол совести — правда, еле ощутимый: он не только не знал, но и мысли не допускал, что у его соседей есть библиотека с подобными книгами. Впрочем, он тут же заставил себя забыть об этом упреке и продолжал развивать свои соображения:

— Предпоследнее, о чем я хочу сказать, подтверждает мои доводы, если применить метод исключения. Я имею в виду одежду мистера Арнольда. Мистер Арнольд — высокий и полный человек. В доме нам не удалось найти ни одного предмета тюремной одежды, не считая кепки. Естественным было бы предположить, что заключенный сменил тюремную одежду на костюм Арнольда. Однако этого не произошло.

— Почему вы так думаете?

— Где же в таком случае одежда бежавшего заключенного? — с торжествующими нотками ехидно поинтересовался Полкингорн.— Давайте вспомним приметы бежавших. Как вы помните, Коссетти — человек низкорослый. Костюмы Арнольда для него слишком велики. То же самое можно сказать и про Сперроу. Вот Хуузу, вероятно, костюмы оказались бы впору, но и он не воспользовался ни одним из них. Следовательно...

Слово «следовательно», особенно в конце длинной цепи логических умозаключений, постоянно употреблял Дэниель Дин, и потому Полкингорн повторил его несколько громче.

— Да, но что же все это нам дает? — перебил его Коннерс.

— Резюмируя наши рассуждения о десяти нитях, ведущих к разгадке тайны,— не спеша ответил писатель, взглянув на лежавший перед ним лист бумаги,— мы должны констатировать: носок, банки из-под спагетти, связанная морскими узлами ве-

ревка из галстуков, казалось бы, свидетельствуют о том, что тут скрывался Коссетти, который, как моряк, стал вожаком группы после того, как бежавшие украли шлюпку. Это обстоятельство, безусловно, находится в известном противоречии с приведенными выше доводами.

— Послушайте,— заметил Ферли; он, видимо, чувствовал себя не совсем удобно.— Послушайте, но ведь на шлюпке-то они недалеко уплыли. Да и потом Коссетти-то служил на линкоре, а это нечто совсем другое.

— Теперь о виски,— как ни в чем не бывало продолжал Полкингорн.— Казалось бы, поскольку мы исключили Коссетти, обстоятельства в какой-то мере указывают на Хууза, но отсутствие брошенной тюремной одежды вынуждает нас отказаться от такого предположения и сделать вывод, что тут скрывался не он. Одновременно,— Полкингорн с силой постучал карандашом по столу,— зашифрованная записка, выбор книг, доступных по содержанию только интеллигентному человеку, журналы с вырезками, пустые флаконы из-под аспирина — все указывает на Сперроу, а вот это,— с деланно небрежным видом добавил он,— окончательно подтверждает мой вывод и делает его бесспорным.

— Что это такое, сэр?

— Седой волос, найденный мною на зеленом диване в гостиной. У Хууза рыжие волосы, у Коссетти черные, а у Сперроу седые. Следовательно, тут скрывался Сперроу!

На детективов его вывод особого впечатления не произвел. Ферли был настроен явно скептически, а Коннерс не мог скрыть смущения.

— По-моему,— сообщил он,— к дому подошла машина. Вероятно, Арнольды приехали.

Полкингорн сидел на кухне, сунув в рот карандаш и время от времени перекатывая его в зубах. «Ну что ж,— думал он,— я говорил. Теперь я всегда могу сказать: «Я же вам говорил!» По совести, он приятно провел время. К тому же можно коечто заработать, если написать небольшую статейку о происшествии,— так называемые документальные вещи нынче в моде.

Размышления Полкингорна нарушил Ферли, вернувшийся на кухню вместе с улыбающимся Арнольдом.

— Привет, сосед! — воскликнул Арнольд.— Говорят, вам тут пришлось поломать голову?

— Мы хотели бы знать, сэр...— заговорил Ферли.

— Меня ни о чем не спрашивайте,— добродушно перебил Арнольд.— Лучше меня ответит Китти, она сейчас носится по всем комнатам.— Действительно, с верхнего этажа доносились звуки быстрых шагов.— А меня спрашивать бесполезно. Мое де-

ло — приносить домой деньги.— Он сел и закурил — большой, добродушный, беспечный.— Совсем не так, как в ваших романах, а? — спросил Арнольд.— Ни, ни, ни!..

— Что вы скажете о кукурузном виски? — непринужденно улыбаясь, осведомился Полкингорн.

— Терпеть не могу.

— Значит, не вы опорожнили бутылку?

— Что? Ах, вы об этом... Я забыл ее выбросить. Вечером накануне нашего отъезда ко мне зашел мой коллега по службе — ему предстояло заменять меня во время моего отпуска. Он совсем не против этого вина и один выпил всю бутылку. А, почему вы спрашиваете?

Полкингорн вычеркнул одну из записей под фамилией Хууза.

— Что это там у вас? — поинтересовался Арнольд.

В эту минуту в кухню влетела миссис Арнольд — низенькая, полная женщина с пышной копной плохо причесанных каштановых волос. В руке она держала пачку писем.

— Ну и почта, доложу я тебе! — с гримасой досады сообщила она мужу.— Счета, счета, счета!.. О мистер Полкингорн, здравствуйте! — Она взглянула на своего чопорного и замкнутого соседа так, как обычно смотрят на экспонаты в музее.— По-моему, в доме ничего не тронуто, только еда,— заявила она детективам.— Так вы говорите, здесь скрывался преступник? Сейчас-то, надеюсь, его нет тут? Вы смотрели в подвале?

— Да, мэм,— кивнул Ферли.

— А из одежды вашего супруга что-нибудь исчезло? — деловито осведомился Полкингорн, заглянув предварительно в свои записи.

— Не думаю. Его синий костюм все еще в чистке, и я просила пока не доставлять его сюда, он ходит в нем только на службу. Но что...

Слегка улыбнувшись, Полкингорн без колебаний вычеркнул фамилию Хууза.

— Прошу присесть, мэм,— предложил Ферли.— Есть необходимость немножко побеседовать.

— Правильно,— подтвердил Коннерс, появившийся на кухне вслед за миссис Арнольд.

— Пожалуйста. Я оставила Бобби наверху, но он все равно будет подслушивать.— Она бросила письма на стол и села.— Так что вы хотели бы знать?

— Мы хотели бы знать, кто именно из бежавших заключенных скрывался в вашем доме,— сказал Ферли.— Мистер Полкингорн высказал свои соображения и...

— Он помогает полиции и делает доброе дело для соседа, правда? — живо заметил Арнольд и гулко расхохотался.

— Во-первых,— деловым тоном заговорил Полкингорн, сурово сдвигая брови,— во-первых, я попросил бы объяснить, если можно, назначение веревки, связанной из галстуков.

— Что еще за веревка? — удивился Арнольд.

— Та, что лежит под столом в гостиной.

— Погода была дождливой, дети шалили, и Бобби привязывал Джинни к «столбу».

— Да, но при чем тут галстуки?

— Джим, но ты же сам не раз говорил, что было бы хорошо, если бы кто-нибудь помог тебе справиться с твоей слабостью. Ты постоянно носишь одни и те же любимые галстуки, хотя они уже так залоснились, что даже химчистка не может ничего с ними сделать. Ты сам говорил, что...

— Ты отдала мои любимые галстуки Бобу?!

— У меня под руками не оказалось веревки, а ему надо было попрактиковаться в завязывании узлов, он готовился сдавать очередной экзамен в дружине бойскаутов...

— Он у вас скаут? — вежливо переспросил Ферли.— Понятно.

— Может, и в самом деле хорошо, что я наконец избавился от этих галстуков,— примирительно заметил Арнольд и, обращаясь к Полкингорну, спросил:— А почему, собственно, вас это заинтересовало?

Полкингорн вычеркнул что-то в своих записях — на этот раз из колонки под фамилией Коссетти.

— Ну, а новый носок в гостиной? — спросил он.

— Так это же был четвертый носок! — воскликнула миссис Арнольд.

— Четвертый носок? — удивился Полкингорн, в воображении которого сразу же промелькнул образ человека с четырьмя ногами.

— Я сделала тряпичную куклу для Джинни из трех носков, а четвертый оказался лишним,— пояснила миссис Арнольд и широко улыбнулась.

Полкингорн вычеркнул и пункт о носке. Он понимал, что улики против Коссетти быстро тают, и, скажем прямо, это вполне его устраивало.

— Для полной ясности,— сказал он,— давайте выясним вопрос о банках из-под спагетти.

— Правильно,— согласился Арнольд.— Ну-ка, Китти, рассказывай.

Лицо Китти Арнольд залил густой румянец.

— Понимаете, семь банок, и все из-под спагетти. Думаю, у вас тоже не вызывает сомнения, что их опустошил тот, кто скрывался в доме?

— Что вы! Так и быть, сейчас все открою. Видите ли, наш священник устроил ужин с благотворительной целью, и каждая прихожанка должна была принести на него лучшее свое блюдо. Мы собирались уезжать, у меня не оставалось времени на готовку. Я немножко схитрила — взяла спагетти из банок, добавила специй и сказала, что приготовила сама. Мне поверили...

— Да, моя дорогая Китти горазда на всякие выдумки! — ласково подтвердил Арнольд.— Не постеснялась соврать даже в церкви, хотя, правда, ужин-то устраивали не в самой церкве, а в подвале.

— Конечно, я сглупила, что сразу не выбросила пустые банки.— Миссис Арнольд стала совсем пунцовой.— Но... но я чувствовала себя виноватой и боялась, что кто-нибудь заметит...

Арнольд расхохотался, Полкингорн же поспешно вычеркнул третий и последний пункт из колонки, озаглавленной «Коссетти», а потом и саму фамилию. «Ну какой логик мог бы сделать подобный вывод относительно этих банок из-под спагетти!» — огорченно подумал он.

— А чем же тогда мог питаться преступник, миссис Арнольд? — спросил Ферли.

— Мясом и, должно быть, хлебом. Помню, я оставила в холодильнике несколько батонов и мясной фарш, а сейчас там нет ни того, ни другого.

— Если бы вы только знали, сколько в этой семейке поедается фарша! — добавил Арнольд.

— Что-то не все ладно получается с выводами мистера Полкингорна,— заметил Коннерс, покосившись на писателя.— Миссис Арнольд, а что вы могли бы сообщить о человеке, который жил тут у вас?

— А вот что. Спал он на постели Бобби и прочитал все его книжки с картинками.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что постель аккуратно застлана, а кончики пододеяльника и одеяла подогнуты, как в больнице. Я-то никогда так не делаю, времени нет. И книги тоже сложены такой аккуратной стопочкой, а у Бобби Арнольда на это не хватает терпения.

Полкингорн слегка покачал головой.

— Если позволите, я хотел бы задать еще несколько вопросов,— сказал он самым вкрадчивым голосом, на какой был способен Дэниель Дин.— Скажите, пожалуйста, почему изрезаны журналы?

— Опять же Бобби! Мальчишка прямо-таки помешался на рекламных объявлениях.

— Весь в маму — верит всякой рекламе! — вставил мистер Арнольд.

Полкингорн почувствовал, что у него начинает кружиться голова, но тут же взял себя в руки и, вычеркнув из своего списка пункт о вырезках, снова обратился к женщине:

— Ну, а что вы скажете о пустых флаконах из-под таблеток аспирина в гостиной? Кто их там оставил?

— Боже милосердный! — совсем расстроилась женщина.— Теперь вы окончательно будете считать меня никудышной хозяйкой, мистер Полкингорн!

— Вы сами их там оставили? — встревоженно спросил Полкингорн.

— Да нет, муж. Недели две назад он болел гриппом, и я никак не могла уговорить его полежать в кровати. Целые дни торчал в гостиной, валялся на диване да смотрел телевидение. Я так и не собралась выбросить флаконы. Но почему они вас заинтересовали?

Все промолчали. Полкингорн вычеркнул пункт о флаконах, а потом, подумав, и пункт о седом волосе. У его соседа, Джима Арнольда, была седая голова... Полкингорн растерянно взглянул на заметки под фамилией Сперроу. Оставалось только два пункта, только две нити.. Присутствующие словно воды в рот набрали. Может, детективам стыдно за него? Полкингорн высокомерно вздернул голову и решил нанести решающий удар.

— Ну хорошо,— сказал он, пожалуй, даже с издевкой в голосе.— Если наш «друг» штудировал тут детские книжки с картинками, кто же тогда брал и читал книги с полки, те самые, что лежат сейчас на столе в гостиной?

Миссис Арнольд захихикала, но спохватилась и, чуть улыбнувшись, ответила:

— Никто, мистер Полкингорн. Во всяком случае, в последнее время. Вы понимаете...— Она, очевидно, догадалась, какое огорчение испытывает Полкингорн, и заговорила так, будто хотела его утешить.— Если бы вы получше знали нашу семью и наши порядки... У нас есть маленький проектор для просмотра диапозитивов. Джим хотел что-то показать своему коллеге по службе, но стол оказался неподходящим по высоте, и ему пришлось подложить под аппарат шесть толстых книг...

— Вон как! — воскликнул Полкингорн, пытаясь скрыть свое раздражение.— Ну, а что вы скажете вот об этом? — с ожесточением спросил он.— Может, и это вам понятно?! — И он бросил на стол наиболее серьезную улику — зашифрованную записку.

— Откуда у вас эта бумажка? — удивилась миссис Арнольд.

— Нашел под стулом,— мрачно ответил Полкингорн.

— Это очень старый...

— Что «старый», миссис Арнольд? — тихо спросил Ферли.

— Старый заказ в продуктовый магазин.— И миссис Арнольд быстро, без запинки, прочла: — Помидоры, майонез, капуста, картофель, масло, спаржа, мешочки для сандвичей... Джим, когда у нас был печеный картофель со спаржей?

— Теперь это уже несущественно,— поспешно заметил Полкингорн, складывая листок со своими заметками. Он не решился выбросить его здесь же, опасаясь, что миссис Арнольд захихикает, а мистер Арнольд опять расхохочется. Пытаясь успокоиться, он подумал, что все столь блестяще найденные им нити разгадки, безусловно, что-нибудь бы значили, если бы эта семья жила не так уж банально, чересчур по-человечески...

— Итак,— задумчиво заметил Ферли,— получается, что мы ничего не знаем о типе, который здесь скрывался. Знаем только, что он любитель детских книжек со смешными картинками.

— Тоже мне примета! — сердито пробурчал Полкингорн.— Кто их у нас не читает?

Миссис Арнольд, понимая, что разговор принимает неприятный оборот (ей нельзя было отказать в тактичности), склонилась над столом и стала просматривать лежащие на нем письма.

— Джим! — воскликнула она вдруг.— Телефонная станция опять хочет содрать с нас лишние деньги! У нас нет ни родных, ни знакомых в штате Кентукки. Зачем бы мы стали звонить туда по междугородному телефону?

— Что, что?! — внезапно оживился Ферли.

— Прошу прощения, мне надо спешить домой,— заявил Полкингорн со смущенной улыбкой. Он вышел из дома через кухню, пробрался через живую изгородь и вернулся в свой аккуратный домик, где все было так ясно, понятно и чинно...

На следующий день к Полкингорну зашел Ферли.

— Я думаю, вам будет интересно узнать о результатах расследования,— добродушно усмехаясь, сказал он.— Это был Мэтью Хууз. Сообразительным парнем его никак не назовешь. Он и не помышлял о побеге, но не отказался бежать, когда представилась возможность. Потом он поссорился с Коссетти и Сперроу, и они разошлись. Проходя мимо дома Арнольдов, Хууз прочитал оставленную для молочника записку. В ночь на тридцать первое он проник в дом, сейчас же позвонил по телефону матери в Кентукки и попросил срочно выслать ему денег. По его словам, он же не какой-то там вор и даже здесь, у Арнольдов, взял только хлеб и мясо. Мать выслала деньги по

почте, и Хууз, сидя дома, все время высматривал почтальона. Он знал, что на следующий день должны вернуться хозяева дома, и начал беспокоиться. Полиция задержала Хууза на вокзале, он и не подумал сопротивляться. Парень, говорю, туповатый. Если чему и научился в армии, так только одному: аккуратно заправлять постель.

— Спасибо, что зашли,— снисходительно заметил Полкингорн.— Очень вам признателен.

— Вот я и хотел сказать: не надо усложнять жизнь — она значительно проще, чем в романах некоторых писателей.

И Ферли снова улыбнулся.

«ШУТКА»

— А вот и Пегги! — воскликнула высокая темноволосая девушка.

Джордж Маккаррен — он сидел рядом с ней — оглянулся.

Ресторан был переполнен, и худенькая блондинка, то и дело извиняясь, пробиралась к ним между тесно поставленными столиками и опустилась на свободный стул.

— Здравствуй,— обратился к ней Ал.— Знакомься, мой друг Джордж Маккаррен. Джордж, это та самая очаровательная блондиночка, я уже рассказывал о ней... Ну, что скажешь?

— Тебе нельзя отказать в хорошем вкусе,— вежливо улыбнулся Джордж.

Не поднимая головы, блондинка искоса и, как показалось Джорджу, с каким-то странным выражением взглянула сначала на Ала, потом на него. Уже тогда у Джорджа мелькнула мысль, что она что-то замышляет.

— Привет, Рита, здравствуйте, Джордж,— наконец ответила она.— Надеюсь, выпить что-нибудь найдется?

— Возьмите мой стакан,— предложил Джордж.

Пегги жадно, обеими руками схватила стакан, выпила его до дна и, опуская на стол, впервые остановила взгляд на Джордже.

— Ого! — удивился Ал.— Видать, у тебя и вправду горит все внутри. Что-нибудь стряслось?

— Я немножко расстроена,— тихо ответила девушка.— Только что видела на улице неприятную сцену. Не будем говорить об этом.— Она закрыла лицо дрожащими пальцами.

— Конечно, конечно! — поддержала Рита.— Ну вот, все в сборе. Что же мы сделаем для прекрасной незнакомки, почтившей нас своим присутствием?

Джордж подумал, что Рита казалась довольно интересной, пока не улыбалась. Улыбка обнажала ее некрасивые зубы, углубляла бесчисленные морщинки у глаз и рта.

— Не знаю,— ответил Ал.— А что вы можете предложить, дети мои? Потанцуем или сперва поедим?

Идти в кабаре или на какое-нибудь эстрадное представление было уже поздно. Джордж знал от Ал, что обе девушки работали в вечерних сменах — Рита в маленьком ночном магазинчике, а Пегги билетершей в кино.

Джордж признался, что не танцует, поэтому приняли решение поужинать. Ал и Рита углубились в изучение меню и с видом знатоков обсуждали различные блюда. Джордж решил, что Рита все же, видимо, славная девушка, а вот Пегги по-прежнему казалась ему чуточку странной.

Он пытался догадаться, о чем она сейчас думает. Пегги никто бы не назвал хорошенькой: маленькое печальное личико почти без подбородка, небольшой рот с узкими, плотно сжатыми губами; ее лицо с тонкой, гладкой кожей ни минуты не оставалось неподвижным, и время от времени к ямочке на подбородке добавлялись ямочки на щеках. Девушка упорно избегала смотреть на Джорджа.

Конечно, Ал пригласил Пегги для себя.

Рита отложила меню и теперь усиленно пыталась привлечь внимание Джорджа.

Компания только что приступила к еде, когда за столик у стены недалеко от них сел мужчина в сером. Случайно обернувшись в эту минуту, Пегги увидела его, и голова у нее судорожно дернулась. Казалось, она едва сдержала себя, чтобы не вскрикнуть.

Джордж вопросительно взглянул на Пегги, Ал же, к его удивлению, испустил тяжелый вздох.

— Не двигайтесь и не оглядывайтесь,— шепнула Пегги.— Минуту спустя незаметно взгляните на человека, который сидит у стены, слева от меня... Видите?

— Ну и что? — пожал плечами Ал.

— По-моему, он хочет убить меня!

Тот, о ком говорила девушка, сидел боком к ним и просматривал меню. Очень худой, болезненного вида человек, заостренное, угловатое лицо, мешки под глазами, испещренные черными точками... Казалось, его никто и ничто не интересует в переполненном ресторане.

Словно против собственной воли, Пегги начала медленно поворачиваться к нему. Видимо, под влиянием ее пристального взгляда человек в сером поднял голову, равнодушно посмотрел на девушку, слегка кивнул ей и вновь занялся меню.

— За что? — тихо спросил Джордж.

— Вот именно,— с напускной шутливостью подхватил Ал.— За что он хочет убить тебя?

Пегги быстро замигала, потом лицо ее исказила жалобная гримаса.

— Ал, прошу тебя...

— Закажите кофе, и давайте кончать,— глухим от злости голосом проговорила Рита.

Джордж положил руку на хрупкую, дрожащую ручку Пегги, и ему показалось, что под ладонью у него трепещет до смерти перепуганная птичка.

— В самом деле, Пегги, почему бы вам не рассказать? — заметил он.

Рука Пегги задрожала еще сильнее, и она поспешно отдернула ее.

—Вы ешьте, ешьте, как будто ничего не произошло... Пожалуйста...

— Я ем,— холодно отозвался Ал.

— Расскажите же! — продолжал настаивать Джордж.

— Я только что вышла из своего кинотеатра через боковую дверь в переулок,— приглушенно, едва шевеля губами, заговорила девушка, взглядом умоляя их не показывать, что она сообщает нечто очень важное. Она ни на кого не смотрела, но Джордж понял, что ее рассказ предназначен прежде всего для него.— И тут я увидела такое, чего мне вовсе не следовало видеть.

— Что же вы увидели? — спросил Джордж, разламывая булочку и чувствуя, как растет у него интерес к рассказу Пегги, а вместе с тем и желание помочь ей.

— Какую-то схватку... Кто-то упал... Не было ни крика, ни шума... Тот, кто остался стоять, нагнулся и еще раз ударил лежавшего.— Пегги широко раскрыла глаза.— Потом он быстро пошел по переулку, и я увидела его лицо.

— Лицо вот этого человека?

— Да. А он увидел меня.

Джордж сразу все понял. Да, девушка попала в трудное положение. Как ни странно, ощущение опасности, внезапно возникшее в этой обыденной обстановке дешевого ресторана, показалось ему даже приятным. Но тут он услышал насмешливый голос Ала:

— И теперь ему нужно убрать свидетеля, то есть тебя, не так ли, крошка? Неоригинально! Раньше ты придумывала что-нибудь похитрее...

— Минутку, минутку! — удивленно и несколько сердито прервал его Джордж.

— Пегги — большая мастерица на всякого рода выдумки,— заметила Рита с презрительной усмешкой и вытерла губы.— Не обращайте внимания. Пусть позабавится.

— Но это же правда! — торопливо и сбивчиво заговорила Пегги...— Пожалуйста... верьте мне... Честное слово... Я видела его, видела, как он...

— Мы не дадим тебя в обиду,— проворчал Ал.— Успокойся, крошка. Ну, так что, закажем кофе?

— Мне не следовало видеть, как он расправлялся с тем человеком,— плаксиво прошептала Пегги.— Да и здесь я напрасно смотрела по сторонам — теперь он не сомневается, что я его узнала.

— Вы думаете, он следил за вами, когда вы шли сюда? — спросил Джордж. Он долго смотрел на девушку, и на этот раз она отвечала ему тем же.

— Конечно,— ответила наконец она.

— Вот, вот! — с прежней насмешкой заметил Ал.— Вечно за нашей Пегги следят всякие подозрительные типы... в ее воображении.

— Ну, знаешь, Ал! — воскликнул Джордж.

— Я-то знаю, а вот ты не знаешь,— отозвался Ал.— Неприятно говорить, но она отчаянная лгунья, постоянно что-нибудь придумывает...— Он махнул рукой.— Такой уж у нее характер... Помнишь, Пегги, сколько хлопот ты мне придумала, когда заявила, будто по ошибке проглотила яд? Она продолжала лгать, пока дело не дошло до принудительного промывания желудка. Только тогда она забила отбой, и ничего с ней, разумеется, не произошло. Уж и не знаю, как все это назвать.

— Видите ли, Джордж,— вкрадчиво заговорила Рита,— нам прекрасно известны все ее штучки — не раз испытали на себе. Вы бы тоже не стали беспокоиться, если бы знали ее так, как знаем мы.— Рита натянуто рассмеялась.— Не забудьте, она работает в кино и постоянно смотрит фильмы.

Джордж заколебался. Он внимательно посмотрел на Ала и Риту, потом перевел взгляд на Пегги.

— Скажите по совести, вы придумали все это? — тихо спросил он.

На лице девушки отразились страх и отчаяние, но она постаралась взять себя в руки.

— Но я же видела его! Он меня знает! — Она покачала головой.— Да, да, я понимаю, вам трудно поверить...

— Тут и понимать нечего,— начиная сердиться, прервал ее Ал.— Пегги, я уже говорил тебе и теперь повторяю: меня ты больше не проведешь своими выдумками. Поищи других дураков!

— Хорошо, хорошо! — покорно согласилась девушка.— Возможно, я ошибаюсь.

Джордж заметил, что Пегги с трудом сделала глоток, и в то же мгновение вспомнил: «Но ведь человек-то в сером кивнул ей!»

С напускным оживлением Рита попыталась заговорить о чем-то другом, однако расшевелить компанию ей не удалось. Джордж сидел, погруженный в размышления. Он не знал, что и думать, и не сводил глаз с лица Пегги.

— Знаешь что, Джордж,— обратился к нему Ал,— я вижу, у тебя из головы не выходит спектакль, который тут разыграла Пегги. Понимаю, тебе трудно сразу разобраться, поэтому я расскажу тебе еще кое-что о театральных талантах нашей Пегги.— Ал уже не сердился, но говорил резко и холодно: — Однажды она в течение двух дней не появлялась на работе, а потом объяснила хозяину, будто потеряла память и пришла в себя далеко от Нью-Йорка, в Белвью. Это была самая настоящая выдумка, потому что все это время мы с Пегги гостили у моей сестры в Бостоне. Ну хорошо, ты можешь сказать, что она не решилась открыть хозяину настоящую причину своего отсутствия и должна была что-то придумать. Правильно. Но зачем же придумывать такую нелепую историю? Как хочешь, но это уж чересчур!

Пегги молчала, но по частому дыханию было видно, как она начинала волноваться, когда бледный человек в сером машинально останавливал на ней взгляд.

— А в другой раз,— продолжал Ал,— она ухитрилась оказаться украденной или, во всяком случае, нашла нужным рассказать нам, будто ее похитили. Часов через шесть, видите ли, она «сбежала» от своих похитителей. Я не поленился провести маленькую проверку и обнаружил, что по меньшей мере часа четыре из этих шести Пегги провела в «Салоне красоты». А в общем, все ее истории — сплошная выдумка, она лжет без удержу и стеснения. Я не знаю, как это назвать...

— Может, просто ребячеством? — ядовито улыбнулась Рита.— Она, наверно, воображает, что приятели и знакомые прямо в диком восторге от ее шуток.

На месте Пегги, подумал Джордж, он не оставил бы без ответа подобную насмешку, но девушка не обиделась. Помолчав немного, она тихо сказала:

— Извините. Я сожалею, что раньше не раз подшучивала над друзьями. Но сейчас... Сейчас все правда.

— Значит, иногда вы все же... сочиняли? — спросил Джордж.

— Получается так,— с жалким видом подтвердила девушка.

— Ее таинственный злодей покидает нас,— объявил Ал.—

Ему требовался лишь стакан молока, и теперь он уходит. Похоже, Пегги его уже не интересует, если вообще когда-нибудь интересовала.

Все четверо молчали, пока человек в сером вставал из-за стола и направлялся к двери, даже не посмотрев на них.

— Ну, теперь все в порядке? — спросил Ал, похлопывая Пегги по плечу. Он снова был добр и снисходителен.— Всему свой черед, и на сегодня хватит. Договорились?

Он наклонился к Пегги и поцеловал ее в висок.

— Извините меня,— попросила девушка, чуть растерявшись от ласки Ала.

Но все это не успокоило Джорджа. Он не сомневался, что под непринужденной болтовней Риты скрывается ревность, а оживление и веселье Ала напускные. Однако особенно ясно он понимал, что Пегги смертельно напугана, хотя и отделывается успокаивающими ответами. Он видел, как дрожат у нее губы, когда она подносила ко рту чашку с кофе, как трясется ее рука с сигаретой, как быстро тает ее улыбка, когда девушка думает, что никто на нее не смотрит.

После шутливого препирательства Ал настоял на том, что счет за ужин оплатит он. Перед выходом из ресторана девушки отправились попудриться, предварительно договорившись с молодыми людьми, что те будут ждать их в баре у дверей.

— Выпьем по одной? — предложил Ал, когда они направились к бару. Джордж не возражал.

— Так ты не придаешь никакого значения рассказу Пегги? — спросил Джордж.

— Чепуха. Я же тебе говорил. Выбрось из головы.

— Но зачем ей это?

— Не знаю. Во всяком случае, на меня ее трюки больше не действуют, и она, наверно, поняла это. Возможно,— он улыбнулся,— возможно, она разыграла комедию ради тебя. Парень ты довольно интересный, хорошо одет, кажешься обеспеченным.

— Что-то до меня не доходит,— медленно проговорил Джордж.— Похоже, она действительно чем-то напугана.

— Сама доводит себя до такого состояния. Придумывает что-нибудь и начинает украшать свою выдумку разными «подробностями» — одна другой убедительнее. Ты представить не можешь, какая она мастерица на подобные штуки. Иногда мне даже кажется,— уныло добавил Ал,— что ее надо направить к психиатру или невропатологу. И при всем том она очень милая девочка. Ума не приложу, зачем она так лжет! И знаешь, когда все кончается, она хохочет, словно сумасшедшая, думает, наверно, что людям нравится, когда их дурачат...

— И тем не менее... Вот возьми ее сегодняшний рассказ...

— Подожди, подожди! Сейчас я объясню тебе, почему не может быть никаких «тем не менее» и почему ее сегодняшний рассказ — тоже очередная выдумка. Пораскинь-ка мозгами. Почему, например, она не обратилась в полицию? Ты задумывался над этим? По ее словам, она была свидетельницей убийства или чего-то там еще. Если так, то на месте происшествия должен быть труп или избитый человек. Верно? Тогда почему бы ей не броситься к первому же полицейскому? Ну, хотя бы на тот случай, чтобы оказать пострадавшему помощь. Так поступил бы каждый из нас. А она? Как ни в чем не бывало идет на свидание! Ты думаешь, почему она так поступает? — уже сердито продолжал Ал.— Да потому, что вообще ничего не произошло. Осточертели все эти выходки! Пошутить можно, но всему есть предел.

И только сейчас, впервые за весь вечер, Джордж должен был согласиться с Алом.

— Странные у нее шутки,— заметил он.

— Вот именно.

Подошли улыбающиеся девушки с подкрашенными заново губами, напудренные, и молодые люди быстро допили вино.

Сразу же, как только они вышли из ресторана, возник вопрос, что делать дальше. Рита с натянутой улыбкой заметила, что уже поздно, и предложила разойтись по домам.

Все согласились, и Джордж попытался остановить такси.

— Рита, Пегги, где вы живете?

Оказалось, что Рита живет в северной части города, а Пегги на Восточной 39-й улице. Номер ее дома ему назвал Ал.

— Послушайте, а почему бы нам не пройтись пешком, хотя бы до дома Пегги? — внезапно предложил Ал.— Как, девушки?

Джордж решил про себя, что Ал прав. Жаль, но история с Пегги испортила всем настроение, а вместе с тем и встречу. Может, прогулка и болтовня помогут хоть немного скрасить вечер, суливший так много приятного.

Девушки ответили согласием, Джордж отослал подъехавшее было такси, и все четверо — Джордж под руку с Ритой, Ал с Пегги — отправились к дому последней. В этой части города, обычно хорошо освещенной, ночи никогда не казались слишком темными.

Они медленно шагали мимо закрытых витрин магазинов и дверных проемов, заполненных таинственным полумраком. Высокая пара — Джордж и Рита — шли позади: Джордж, сознавая что до сих пор был недостаточно внимателен к девушке, теперь вовсю любезничал с ней, хотя это получалось у него не совсем

естественно. «Рита неплохая девушка,— думал он,— но подружиться мы не сможем».

Тут он чуть не натолкнулся на Ала. Маленький и сердитый, Ал, подбоченившись, стоял на углу, оглядывался по сторонам и спрашивал:

— Ну где, ну где? Покажи!

— Не нужно, Ал, не нужно...— жалобно шептала Пегги, уцепившись за его плечо.— Не обращай внимания...

— Где, спрашиваю, этот тип, что следит за нами? Джордж, ты его видишь? Рита, ты его видишь? Того типа из ресторана?

Во всем квартале позади них в это позднее время виднелось всего несколько прохожих. Однако все они шли своей дорогой, никто из них не обращал внимания на две парочки, ярко освещенные светом уличного фонаря.

— Вы бы только видели, как он посмотрел на меня! — всхлипывала Пегги.— Вы ничего не хотите знать. Вы мне не верите. А он мне этого не простит! Ни за что не простит! Он обязательно что-нибудь со мной сделает.

— Он — не знаю, а вот я обязательно что-нибудь с тобой сделаю,— пригрозил Ал.

Пегги с мольбой посмотрела на Джорджа.

— Вы видели, что в драке пострадал человек,— с подчеркнутой суровостью заметил тот.— Почему же вы не попытались хотя бы вызвать «Скорую помощь»?

Пегги скривила рот в беззвучном «О!», словно наконец-то поняла причину его холодности.

— Да потому, что это было бесполезно.

— Он был мертв? — взволнованно спросил Джордж.

Пегги кивнула.

— Следовательно, наша малышка безбоязненно вернулась одна-одинешенька в темную улочку, чтобы пощупать у него пульс, так? — с отвращением спросил Ал.— Когда ты наконец перестанешь лгать? Вот что. Сейчас же, сию же минуту мы обратимся к полицейскому. Я дал себе слово, что больше не позволю вовлекать себя в эти номера, но сейчас все-таки придется обратиться в полицию. Мы скажем полицейскому, что произошло убийство. Обязательно! Кто-нибудь видит полицейского?

— А полицейский сможет меня спасти? — как во сне спросила Пегги.

— Разумеется. Он спасет тебя от всей этой чертовщины. Хотя бы потому, что на той улочке нет и не было никаких трупов. Пошли.

Пегги вздрогнула. Она стояла лицом к нам, но смотрела куда-то мимо.

— Я пошутила,— почти спокойно заговорила она, но голос у нее сорвался.— Мне не о чем разговаривать с полицейским! — истерически закричала она.— Не нужен мне полицейский! Я просто понервничала, вот и все. Ничего не произошло. Ничего, ничего!.. Я хочу домой, хочу отдохнуть и успокоиться.

Джордж молча наблюдал за этой сценой. Он был расстроен и озадачен.

— С очередной выдумкой, надеюсь, покончено,— невозмутимо заметила Рита и, обращаясь к Джорджу, спросила:

— Может, мы возьмем такси и отправимся по домам?

— Нет, лучше пойти с ними.

Пегги жила в высоком доме, вплотную примыкавшем к соседним и, видимо, перестроенном из какого-то склада. Она и Ал стояли на тротуаре у крыльца. Пегги успокоилась и покорно выслушивала нотацию Ала.

— Вы живете одна? — поинтересовался Джордж, как только подошел к ним вместе с Ритой.

— Нет, с девушкой, но ее, наверно, нет, она поздно возвращается с работы.

Пегги оглянулась и посмотрела на ступеньки крутого крыльца.

— Может, нам подняться вместе и убедиться, что у вас в комнате все в порядке? — деловито спросил Джордж.

— Вот, вот! Пусть она посмеется еще и над тобой,— буркнул Ал.

— Не надо, спасибо,— ответила Пегги.— Ничего со мной не стрясется. Кажется,— нерешительно добавила она,— я-таки взяла себя в руки.

— В таком случае до свидания и прощай,— сухо сказал Ал.— Извини, если я был резок с тобой, но так дальше продолжаться не может.

— Понимаю. Извини и ты.

— Вы подвезете меня? — спросил расстроенный и обиженный Ал, оглядываясь по сторонам в поисках такси.

— Спокойной ночи, Пегги,— холодно попрощалась Рита.

Джордж не удержался:

— Но вы уверены, что вам ничего не...

— Спасибо. Очень мило, что вы проводили меня,— ответила Пегги, глядя ему в глаза.

Джордж прикоснулся к ее руке, и снова ему показалось, что он дотрагивается до перепуганной птички. Теплая рука девушки чуть сжала его пальцы.

— Надеюсь, мы еще увидимся,— сказала Пегги и, поднявшись по крутым ступеням крыльца, ключом открыла дверь. Ее

фигурка расплылась за стеклом двери и потерялась во мраке прихожей. Где-то в глубине дома мелькнул свет, и все затихло.

Алу удалось остановить проезжавшее такси, и все трое сели в машину.

— Подвезите меня до угла Лексингтон-авеню и 49-й улицы,— попросил он.— Джордж, извини, пожалуйста, что я заставил тебя провести такой вечер, но, поверь, мне и самому неприятно. Теперь у нас с Пегги все кончено.

— Жаль.

— Ничего не поделаешь. Больше я с ней не встречаюсь. Вконец изолгалась.

— Ну, не скажи.— Рита с трудом сдерживала злость.— По-моему, ей просто хочется быть в центре внимания, а каким путем — не столь уж важно.— Чуть помягче она добавила:— И вы ничем не сможете ей помочь.

Джорджа не беспокоила злость Риты, он не слушал шуток Ала, пытавшегося рассмешить компанию. Он сидел и думал, а когда Ал вышел из такси и они остались в машине вдвоем с Ритой, почти не разговаривал с ней, что немало сердило девушку.

Вполне возможно, размышлял Джордж, что Пегги психопатка. Ну, а если нет? В таком случае она действительно напугана, вполне могла подумать, что человек в сером следил за ней, а потом, в ресторане, специально подсел поближе, чтобы узнать, о чем они толкуют. Может, Пегги говорила нарочито громко, чтобы дать понять неизвестному, что ему не надо ее опасаться, что она никому ничего не сказала и не скажет, что она не представляет для него угрозы и ее нет смысла убивать.

Все это очень странно. Правда, к концу вечера Пегги держалась спокойнее, даже сказала, что теперь «все в порядке».

Чем дальше рассуждал Джордж, тем больше признавался себе, что ровным счетом ничего не понимает, что рассказ Пегги в равной мере мог быть и правдой и выдумкой.

Он велел таксисту подождать, а сам пошел проводить Риту до дверей. Они вежливо распрощались и, хотя сказали друг другу о желательности новых встреч, оба понимали, что никогда больше не увидятся.

— Обратно, на 39-ю,— сказал он таксисту, усаживаясь в машину.

И снова его стали одолевать сомнения. Лжет Пегги или нет? Иногда ему казалось, что лжет, и он начинал даже подсмеиваться над собой. Пегги отделалась от Ала — не этого ли она и добивалась? А как тепло она благодарила Джорджа! По сути дела, она дала понять, что не прочь встречаться и дальше. Возможно, она устроила это представление специально для него. Да,

но ведь она не знала, что он придет. Могла ли она так быстро придумать и разыграть сцену с убийством? К тому же она появилась в ресторане уже чем-то взволнованная, сильно нервничала. Достаточно было видеть, с какой жадностью она выпила вино.

Нет, так лгать невозможно, решил Джордж, и его охватил стыд. Как он не понял, что все дело в ревности Риты, а может, и в ревности Ала, связь которого с Пегги явно шла к концу. Потом к стыду добавился страх, он понял, что не успокоится, пока не удостоверится, все ли в порядке с Пегги.

Отпустив такси и оставшись в одиночестве перед домом, погруженным в темноту, Джордж не сразу заставил себя решиться. Он поднялся было на крыльцо, но тут же сошел на тротуар. Однако надо было убедиться, что с Пегги ничего не произошло. Существовала лишь одна возможность сделать это: нажать звонок квартиры 3С, расположенной, судя по номеру, на самом верхнем этаже.

Приняв наконец решение, Джордж уже хотел подняться на крыльцо и позвонить, когда на стекле по ту сторону двери зашевелилась тень. Кто-то прошел через прихожую, открыл наружную дверь и вышел на крыльцо. Джордж почувствовал, как заколотилось у него сердце. Это был тот самый болезненного вида незнакомец, которого они видели в ресторане.

И вышел он из дома Пегги!

В одно мгновение Джорджу все стало ясно. Как только они четверо покинули ресторан, он спросил у Пегги ее адрес, и она довольно громко назвала его. После этого незнакомцу незачем было идти за ними по пятам. Ему ничего не стоило опередить их, проникнуть в дом, подняться наверх и спокойно дождаться прихода Пегги. Он сделал то, за чем пришел, и теперь уходил...

В несколько прыжков Джордж поднялся на крыльцо и схватил человека за лацканы пиджака. Незнакомец не ожидал нападения и, повернув к Джорджу болезненное, искаженное ужасом лицо, лишь безвольно шевелил губами.

— Что ты с ней сделал? — крикнул Джордж. Поставив ногу на порог и не позволяя двери закрыться, он приподнял незнакомца, с силой тряхнул его и оттолкнул. Человек покатился по ступенькам крыльца. Заметив проезжавшее мимо такси, Джордж крикнул водителю:

— Вызовите полицию и врача!

В следующую минуту он забыл о человеке в сером, неподвижно лежавшем у крыльца. Сейчас он думал только о маленькой, беззащитной девушке, которая часто пугалась пустяков и совсем недавно одна-одинешенька прошла через все эти двери.

Он быстро поднялся по первому пролету лестницы, пробежал длинную площадку, снова поднялся по лестнице и из-под двери квартиры 3С на последней лестничной площадке увидел полоску света. Дверь была заперта на замок, и Джордж с силой надавил на нее плечом, пытаясь открыть.

— Кто там? — послышался из-за двери встревоженный женский голос.

— Джордж Маккаррен. Откройте! Что с Пегги? Где она?

Дверь открылась. Перед ним стояла Пегги — в пижаме, с кремом на лице и с бигуди на голове. Она крутила пальцами выбившуюся прядь волос и, кокетливо улыбаясь, смотрела на Джорджа.

— Алло,— наконец проговорила она.

Джордж готов был убить девушку — так сильно ненавидел он ее в это мгновение. Задыхаясь от ярости, он спросил:

— Человек в сером, тот, что был в ресторане... Вы его знаете?

На лице Пегги появилась гримаса.

— Он только что был здесь! — крикнул Джордж.

— Нет, не был.— Пегги быстро сообразила, что именно Джордж имел в виду.

— Нет был! — продолжал настаивать Джордж, хотя понимал, что это бесполезно, если уж девушка такая лгунья.

— Да он живет в этом же доме, на первом этаже,— с ехидством ответила Пегги, всем своим видом изображая презрение.— Поэтому он и кивнул мне в ресторане.

Джордж не сомневался, что теперь девушка вдоволь посмеется над ним. Казалось, он уже видел, как блестят у нее глаза, когда она рассказывает, как ловко его надула. Он и в самом деле увидел чуть заметную улыбку у нее на губах, ее мелкие, как у кошки, зубы. Задыхаясь от гнева, он отвернулся и стал спускаться по лестнице.

Ему предстояло извиниться перед взбешенным незнакомцем. (Да, но что он ему скажет?) Возможно, он вовсе не «незнакомец», а второе действующее лицо этой «шутки» и теперь тоже хохочет над ним.

Джордж несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, взять себя в руки.

Через стекло он увидел, что на тротуаре и на крыльце собралось несколько человек. Он медленно открыл дверь. На крыльце стоял полицейский.

Джордж решил сделать вид, что ничего не произошло, что все это шутка, от которой никто не пострадал, а точнее, пострадал он один. Он будет вежливым, постарается сдержать свои чувства, принесет извинения незнакомцу.

— Вот он! — крикнул кто-то.

Вдалеке послышалось завывание сирены. Взглянув вниз, Джордж увидел, что у подножия крыльца по-прежнему лежит нечто серое.

— Этот человек мертв. Что вы можете сказать? — грубо спросил полицейский...

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 6 коп.

Индекс 70668

ОБЛИГАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО 3-ПРОЦЕНТНОГО ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА ЯВЛЯЮТСЯ УДОБНОЙ И ВЫГОДНОЙ ФОРМОЙ ХРАНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ.

По облигациям займа выплачивается доход в виде выигрышей.

Ежегодно проводится восемь тиражей выигрышей: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря.

В тиражах выигрышей на один разряд займа разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша на двадцатирублевую облигацию (включая нарицательную стоимость облигации)	Разыгрывается			
	В одном тираже		Всего за год в 8 тиражах	
	количество выигрышей	сумма выигрышей (рублей)	количество выигрышей	сумма выигрышей (рублей)
5 000 рублей	2	10 000	16	80 000
2 500 рублей	5	12 500	40	100 000
1 000 рублей	20	20 000	160	160 000
500 рублей	109	54 500	872	436 000
100 рублей	750	75 000	6 000	600 000
40 рублей	8 514	340 560	68 112	2 724 480
Всего:	9 400	512 560	75 200	4 100 480

Вероятность выигрышей по облигациям займа увеличивается с каждым тиражом, поскольку количество выигрышей, разыгрываемых в тиражах, остается неизменным до конца срока займа, а выигравшие облигации погашаются при выплате выигрышей и в дальнейших тиражах не участвуют.

ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА СВОБОДНО ПРОДАЮТСЯ И ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ.

Управление гострудсберкасс и госкредита РСФСР